

О ЧЕМ НЕ ГОВОРЯТ МУЖЧИНЫ

ГРИГОРИЙ СЛАВИН

ИМЕЮ ПРАВО
СХОДИТЬ
НАЛЕВО

Григорий Славин
Имею право сходить налево
Серия «О чем не говорят мужчины»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2671315
Имею право сходить налево: Эксмо; М.; 2011
ISBN 978-5-699-52020-6*

Аннотация

Чем заняться современному преуспевающему мужчине после тяжелого и нудного рабочего дня в офисе? Конечно же, позвонить друзьям и весело оттянуться. Четыре закадычных друга – Антоныч, Гриша, Гера и Слава – предпочитают гулять мирно и тихо, но почему-то всякий раз на их головы выпадают приключения: то любовные, то криминальные. Так и в этот раз: хотели мирно посидеть в ресторанчике, да вляпались в авантюрную историю. Дело в том, что Антоныч переспал с дочерью префекта, которая совсем некстати была невестой арабского принца. А префект оказался жестоким и очень мстительным. Вот тут-то все и началось...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	36
Глава 3	51
Глава 4	63
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Григорий Славин

Имею право сходить налево

Глава 1

Выбор был. Он всегда есть. И тут был: второй вагон или третий. Это был выбор буриданов, но в отличие от того осла стоять до потери сознания от голодухи я не мог. Кто бы позволил. Качнулся, ведомый толпой, во второй. Эти движняки на Замоскворецкой линии очень похожи на арабские похороны. Несет тебя толпа фанатов туда, где бы ты, может быть, и не хотел оказаться, а ничего с этим не поделать. Вот ты не хочешь, чтобы тебя несли, а поздно: пульса нет, давления нет, температура близка к комнатной. С такими показателями не до скандала. Закопают и разойдутся. Вот и сейчас ты, наверное, в третий хотел бы, к той, что с «Вог» под мышкой у поручня независимость обрести пытается, а тебя – нет – во второй. К той, что, на всех наплевав, читает что-то внутри истертой обложки.

Если откровенно, нет, если честно и открыто, без этих всяких – «не судьба выбирает нас, а мы выбираем судьбу», то проломился бы я, конечно, в третий. Даже с комнатной

температурой. Для спецоперации, на которую шел я вполне умышленно, читающая «Вог» женщина как объект подлого вмешательства в ее личную жизнь подходит лучше той, что читает французские стихи на французском языке. Ну, так повелось. Изначально, с давних пор. Вот, висят два персика на дереве. Один, румяный, сладенький, на самой верхушке, а второй, дешевле рублей на двадцать за килограмм, – только руку протяни. И ты тянешь и срываешь, что поближе, лишь бы побыстрее, лишь бы не заметил сторож и зад йодированной солью помолом номер один не нафаршировал.

А по существу-то, если вдуматься... И у того персика, и у этого судьба одна. И привкус один. И косточки как две капли воды. И ты не оставишь ни ту косточку себе, ни эту. Выбросишь. Так и у той, с «Вог», и у этой, с Артюром Рембо, все совершенно одинаково. Там, где положено, – вертикально, где положено – горизонтально. Да, с точки зрения странствующего холостяка, неправильно было бы сказать, что Артюра Рембо в метрополитене читающая женщина в постели полярно отличается от той, что выбирает в журнале сумочку по каталогу. Разумеется, переспать со второй менее престижно, но и головняков как бы меньше. Как правило, ей потом, когда ты уже молнию на брюках застегиваешь, вполне хватает: «Пойдем завтра в «Сахар»?» Никуда ты с ней потом, разумеется, не пойдешь, и она это знает, и ты это знаешь. Но вот скажи прямо и искренне: «Пойми, мы разные с тобой люди. Вот вспыхнула меж нами молния, и мы обнажились

без разговоров. Но ведь мы сделали это не для того, чтобы потом на Пасху яйца красить каждый год, правда? Просто мне пришло в голову заглянуть на несколько минут в твой внутренний мир, а ты как раз этого и хотела».

Это как на выставке Рериха. Вот сходил раз, посмотрел, а во второй и не хочется уже. И не нужно объяснять: мол, да, понравилось, взгляд на Тибет своеобразен, как будто сам там побывал. Взяло за душу, нет вопросов, крепко взяло. Но только вышел из галереи – отпустило. Потому что, поймите, лучше гор могут быть только горы, на которых еще не бывал, – вот это основное, и его не нужно никому объяснять.

А здесь приходится, и никогда не хватает фантазии, чтобы объяснение выглядело разумно. Обычно все заваливается на сторону аллегорий и метафор. Чему уже мало верится, поскольку любил ты ее как соцреалист, а в финале твоих чувств явственно присутствуют все признаки кубизма. Молния-де сверкнула, ударила в дерево. Повалилось дерево, и вот, при освобожденном от кроны свете видно, что ничего между нами общего, за исключением презерватива, нет. Я себя ненавижу, когда несу подобную херь, честное слово. А что делать? Никто же не учит, как правильно уходить от чужой жены. Все – школа, семья, своя жена, психологи, депутаты Государственной думы – все они детально обучают обратному: как обходить чужих жен стороной. То есть даже в принципе разум человеческий как бы не предполагает, что можно оказаться с чужой женой рядом, абсолютно голыми, не в морге,

не на нудистском пляже, а в постели. И вместе с этим учителя школ, ты сам, психологи, депутаты Госдумы – все только и думают о том, как бы оказаться в постели чужой жены. Не сказать, что все их мысли этим только и заняты, но ни один из них никогда не упустит возможность не упустить возможность.

И никто из перечисленных, в том числе и я, в силу отсутствия начального образования в этой области не имеет представления, как должно выглядеть расставание после молниеносного секса. Остается полагаться только на опыт в других областях, в тех, в которых ты собаку съел. А это, как вы сами понимаете, выглядит не всегда вразумительно. То есть когда вот, к примеру, Алина Кабаева на ковре, ножки голенькие, попой обруч подбрасывает – все понятно и никаких претензий нет. Человек на своем месте. С пяти лет знает, как попой объяснять простые истины. Учили. Но вот когда она в Государственной думе косит под Фурцеву и голосует то за госбюджет, то за поправки в закон о статусе судей, выглядит это так, словно продолжает она попой обруч подбрасывать. Сомнения в себе внушает. То есть утрата природной среды обитания мгновенно сказывается на нашем поведении.

Я одеваюсь, чтобы уйти и больше не вернуться, и женщина совершенно четко себе представляет, что я уйду и не вернусь. И ничего поделаться с этим нельзя, и лучше бы ей сказать: «Ладно, беги, ищи следующую, да и мне пора». Нет. Она все равно спрашивает: «Ты мне сегодня позвонишь?»

Ну, какого черта я ей должен звонить? Зачем? Чтобы снова слушать «Укуси меня вот здесь! Укуси еще!»? Я не сиба-рит, вопреки собственному удовольствию могу, конечно, пару раз зубами клацнуть, но делать это каждую ночь – увольте. А если она привыкла быть искусанной каждую ночь, то какой может быть звонок сегодня вечером? И я напоминаю так, уже без ночного пыла: «Ну, мы же договорились идти в «Сахар»?» И добавляю: «Милая». И одно это уже вносит совершенно ясное понимание, что я не позвоню и ни в какой «Сахар» мы не пойдем. Но так положено. Этим она находит себе объяснение, почему спит с кем попало, то есть возлагает на меня свою ответственность побыть некоторое время распутной бабенкой, а я взамен де-юре как бы не имею возможности считать ее таковой, ибо она просила позвонить для продолжения общения навеки, я обещал, а не позвонил. То есть это не она развратна и непостоянна, а я. За такой логикой мне только и остается поступить по-мужски: сказать себе, что легкомысленна она и порочна. А какие серьезные отношения могут быть с такой женщиной? То есть если короче, то она предоставляет мне шанс стать скотиной во имя ее ухода от ответственности за спанье с кем попало, и я снимаю с нее бремя моральных переживаний: ушла-де скотина – оно и к лучшему.

И ведь самое главное, что все это известно изначально, с самой первой секунды. С первого проникновения аромата ее духов в твои ноздри и твоего «здравствуйте» в ее уши. Соб-

ственно, еще и запах духов толком не донесся, а только ты встаешь в вагоне рядом с женщиной, и слова еще друг другу не сказали, не тронулись рукавами ни единожды, а уже оба знаете, что любить друг друга будете, не пройдут и сутки. Как в последний раз – от всей души и дотла. И что вы думаете? Никто не ошибся. Так и вышло: и – дотла, и – от всей души, и – в последний раз. Есть во всех нас что-то от видящих будущее.

Но вот этой, стоя и в семь утра читающей Артюра Рембо, нужно непременно что-то умное сказать. На «мы раньше не встречались?» таких не берут. На «мы раньше не встречались?» они отвечают «мы раньше нигде не встречались» – и с хладнокровием наемного убийцы дочитывают катрен.

Внесли меня фаны и тут же успокоились. Выбросив руку в нацистском приветствии, зацепился я за поручень и добрался до чтицы. Сразу так потянуло романтично. То ли «Жо Дэ», то ли «Каприз». Окутало. Понесло. Встал рядом, попытался заглянуть в текст.

Так и есть – французский. Так и есть – стихи. Как-то сразу стало тревожно. Я и стихи – сочетание в принципе малоубедительное, а я и стихи на французском языке – это и во все что-то странное. Как Светлана Хоркина и Государственная дума. Успокаивает лишь то, что будет время как следует подготовиться.

– Жарища, – сказал я так, чтобы ей сразу понятно было, что это я именно ей сообщил, а не бабушке, что сидит подо

мной и смотрит как сова.

Она оторвала взгляд от французской поэзии и посмотрела на меня, как смотрят педиатры на вошедшего к ним на прием взрослого мужчину. И зачиталась с еще большим интересом.

– А вы знаете, – заговорил я, – минувшая зима была самой холодной за последние пятьдесят лет. А наступившее лето обещает быть самым жарким за последние семьдесят. Хотите пепси?

– Хочу.

Голос мне понравился.

Протиснувшись, я дотянулся до кнопки под табличкой «Связь с машинистом».

– Две баночки пепси во второй вагон, пожалуйста! – так кричат в шахту после взрыва, чтобы выяснить, остались ли живые.

Зеленые глаза потухли. Разочаровал. Зато я рассмешил стоящего у дверей бомжа. И чем громче он хохотал, тем грустнее становилось лицо чтицы. Моя информированность синоптика была для нее интереснее статуса придурка. Глупая шутка, согласен. Это могли бы подтвердить и десяток свидетелей вокруг нас.

«Станция «Сокол», – и колеса застучали реже, увеличивая давление в вагоне. Я прижался к будущей партнерше так, чтобы и по-хамски не выглядело, и было ясно, что удержаться мог, но не захотел. Коснулся.

Толпа свалила, толпа завалила.

– Два пепси кто заказывал? Побыстрее, пожалуйста! – и мужчина лет сорока, прилично одетый, с портфелем, бросает взгляд на украшенное «Тиссо» запястье.

Я люблю эти мгновения. В эти секунды восемь женщин из десяти ответят тебе «да», если сразу за появлением прилично одетого джентльмена с двумя банками пепси в руке ты скажешь: «Выходи за меня?» Оставшиеся две промолчат в ответ, поскольку с мужьями.

– Я заказывал. Сколько с меня?

– Сто, – приняв от меня сотню, мужчина вручает мне банки и успевает покинуть вагон за мгновение до смыкания дверей.

– Ни хрена себе, – прохрипел бомж.

Дотянувшись грязным пальцем до кнопки, он нажимает ее, безумец, и чего-то ждет. Зеленовзглядая не сводит с него настежь распахнутых глаз.

«Говорите», – раздается в динамике.

– Пива... «Балтику»... Трочку... Одно...

«Кириешки? Копченый лосось?» – доносится из динамика.

Горемыка смотрит на меня. Я киваю.

– Сырную палочку... если есть...

«Конечно, есть. Никуда не уходите. Сейчас принесут».

«Следующая станция «Войковская»...

– А вы до какой едете? – интересуюсь я у зеленоглазой.

– До «Речного вокзала», – тихо отвечает она, принимая

дышащую резкостью жечь.

– До конечной, значит, – говорю я, отхлебывая из своей. Дотягиваюсь до кнопки. – До конечной без остановок, пожалуйста!

– То есть как это без остановок?! – это та часть толпы взбунтовалась, у которой с мозгами проблема.

– Мне на «Водном стадионе» выходить, как это без остановок?! – взревела минотавром размером с минотавра тетка.

– Что вы себе позволяете, молодой человек?! – доселе сохранявший академическое хладнокровие профессор в очках ринулся к переговорному устройству. Вдавлив кнопку так, что другой конец ее появился, наверное, снаружи вагона, он зачастил мелко и гневно:

– Никаких без остановок, товарищ! Следуйте по расписанию! Люди на работу опаздывают! Чтобы на каждой, на каждой!..

«Второй вагон, вы что там, спятили, что ли?» – раздаётся из динамика.

Зеленоглазая, давась смехом, вдруг роняет мне голову на плечо. Ч-черт, приятно... Приятно не потому, что у меня получается, а приятно оттого, что она голову как-то уронила, словно все прощая. Прощая, что уйду, придумав глупость и пообещав позвонить. Прощая, хотя ничего еще и не было, но ей очень хочется, чтобы было.

На «Речном вокзале» мы вырвались из толпы. Хохоча и расплескивая пепси, она то припадала к моей руке, за кото-

рую держалась, то запрокидывала голову, отчего рыжие волосы ее взметались костром.

– Приходи сегодня ко мне вечером?

Обычно подобные предложения делаю я. Дуры тут же интересуются: «А что у тебя интересного?» То есть они как бы не догадываются, что я не экскурсовод Алмазного фонда, но все равно спрашивают. «У меня есть коллекция винила с Реем Чарльзом, – в таких случаях отвечаю я. – Такой нет ни у кого в Москве». – «А-а, – успокаивается она, представления не имея, кто такой Рей Чарльз. – Так интересно», – говорит и идет ко мне, ни разу потом не вспомнив о слепом вокалисте. То есть вот это противоречие: звал негра слушать, а сам оттрахал – как бы превращает ее в жертву.

– А что у тебя интересного? – спрашиваю я.

Не то чтобы я хочу почувствовать себя жертвой. Просто интересно, что она ответит. Если: «Будем при свечах читать де Ламартина», – все в порядке.

– У моего брата сегодня день рождения, а их квартиру затопило. Вот они и решили отпраздновать у меня. Придешь? Тоже ничего.

– Конечно, приду. Если адрес дашь.

Она фыркнула и выхватила из сумочки блокнот.

– В семь! – она махнула рукой, демонстративно отхлебнула из банки, показала мне большой палец и убежала.

Странное чувство овладело мной. Я хотел ее и до этого. Но не так необоримо.

– Ну, что, вечер у тебя сегодня занят?

Антоныч подошел и поднял руку. Я подставил ему ладонь, и он по ней шлепнул.

– Ты посмотри, – продолжил он, – годы идут, а ничего не меняется. Один и тот же трюк можно проворачивать по несколько раз в сутки.

– В Актюбинске больше одного раза его не провернуть, – заметил я. – Там в одни и те же вагоны заходят одни и те же пассажиры. На второй раз там начнут бить.

– А разве в Актюбинске есть метро? – спросил Антоныч, поглядывая на «Тиссо».

– В Актюбинске наверняка есть пепси.

– Да, пепси в Актюбинске наверняка есть, – говорит Антоныч и пьет из моей банки. – Где встречаетесь?

– У нее дома. День рождения брата будем отмечать.

– Чьего брата? – кашляет Антоныч.

– Ее брата.

– Ну, желаю тебе его отодрать. За уши...

В рабочие дни «Крузер» Антоныча и мой «БМВ» с утра (как называется самое ужасное время суток) и до глубокого вечера (как принято называть начало нормальной жизни) – пылятся на парковках. Глупо стоять в пробках, если можно проехать шесть остановок на метро. Тем более что дом наш стоит как раз рядом с «Белорусской», а офисы напротив друг друга на «Речном вокзале».

Уже на выходе он напоминает:

– Ты помнишь, что я просил вас быть в двадцать три ноль-ноль?

– Да. – И тоже напоминаю: – А Гриша подтянется к половине двенадцатого.

– У него встреча с фигуристкой, – подтвердил Антоныч, словно это не я сообщил ему о фигуристке вчера вечером.

Да, я все помню. И в двадцать три ноль-ноль непременно буду. Но у меня из головы не выходит зеленоглазая. И сейчас я лихорадочно соображаю, как с семи до одиннадцати вечера выкроить на дне рождения ее брата момент, ради которого все, собственно, и зачиналось.

– Без проколов, – предупредил Антоныч, перехватывая портфель в другую руку и снова глядя на часы. – Одна нога здесь, другая там. В кафе, у вашего дома.

– Антоныч, – спрашиваю я, – а нельзя сказать, зачем ты нас собираешь?

– Слава, вечером, вечером, – морщится он. – Мне нужно все обдумать...

Значит, что-то серьезное. Хотя мог бы мне и сейчас сказать.

Значит, у «вашего» дома, в одиннадцать... У «вашего» – потому что мы трое: Гриша, Гера и я уже почти двадцать пять лет живем в одном доме. Рядом с метро «Белорусская». Антоныч все свои сорок два года прожил на Факельном, но в силу того, что друзья его жили в нашем дворе, свободное время по молодости проводил у нас. Друзья разъехались, он

сошелся с нами, и теперь это – «у вашего дома» звучало уже неестественно. Естественнее было бы ему переселиться в наш дом.

Жмем друг другу руки. У Антоныча стальное пожатие. В юные бестолковые годы он и Гриша увлекались самбо. Юные бестолковые минули, настали деловые и зрелые, но занятия глупого они не оставили. Три раза в неделю ходят в «Динамо», крутят друг друга, бьют о ковер и выворачивают руки. Для них это как секс – раз попробовав, остановиться не могут.

Я поднялся на лифте на седьмой этаж здания, торчащего посреди Фестивальной как остекленевший фаллос, вошел в свой офис и швырнул портфель на кресло.

Когда он падает и кресло начинает крутиться, я постоянно думаю об одном и том же. Так иногда бывает. При определенной цикличности жизни, однажды подумав о чем-то при каких-то обстоятельствах, потом думаешь об этом каждый раз, когда обстоятельства повторяются. Это изводит и бесит. Так вот когда портфель падает на кресло и оно поворачивается, я думаю о здании, в котором расположен мой офис. Когда я подхожу к этому дому, всегда одна и та же мысль посещает меня. Она западает мне в голову, но додумывать ее я продолжаю уже в кабинете: этот дом – не фрагмент ли скульптуры «Казанова», который Церетели хотел подарить Риму, да папа отказал? Вполне возможно, и теперь скульптура разобрана на органы и совершенно безвозмездно роз-

дана мэрией округам. Кому глаз великого пакостника – уютное кафе, кому нога – для чертова колеса в парк. А нам достался огромный, с куполообразной крышей, хер. Если он когда-нибудь рухнет, он положит на всю Фестивальную.

В этой связи меня всегда немного нервирует, когда я слеую на работу, а меня спрашивают, куда я иду. Еще хуже, когда спрашивают, откуда я иду. Первое время я просто не находил себе места, но вскоре чувства поостыли, и я смирился.

Я развернул ноутбук к себе. К девятнадцати часам я должен иметь уже достаточное представление о французской поэзии.

Забиваю в поисковик: «Артюр Рембо».

Передо мной на экране:

...Она была полураздета,
И со двора нескромный вяз
В окно стучался без ответа
Вблизи от нас, вблизи от нас.
На стул высокий сев небрежно,
Она сплетала пальцы рук,
И легкий трепет ножки нежной
Я видел вдруг, я видел вдруг.

Какая прелесть. У меня способность мгновенно запоминать цвет, запах, вкус и стихи, если все это связано с женщиной. Будет что ненароком бросить за столом на предстоящем дне рождения, небрежно распустив галстук и глядя мимо зе-

леноглазой.

Жаль, нет телефона, только адрес. Я бы ей позвонил. А может, и хорошо, что нет. Как ожидание смерти хуже самой смерти, так и ожидание секса иногда лучше самого секса.

Я чувствую, как зеленоглазая, имени которой я до сих пор не знаю, разводит в стороны отвороты моей рубашки и прикладывается губами к моей шее.

– Менеджеры, гоу! – слышу я по громкоговорящей связи.

Секретарша босса Маша не умеет разговаривать на русском языке. Она поражена вирусом закордонного коммерческого сленга. Открытое пространство без перегородок с четырьмя несущими стенами для нее «опенспейс», если что-то в офисе испорчено, то для нее это «зафакаплено», отдел кадров она именует «эйчаром». При этом английского она не знает, но старается на нем разговаривать. Девочка-дурочка, пишущая машинка, подушка-пердушка, она только что пригласила нас в кабинеты начальников отделов.

Меня касается губами зеленоглазая, а напротив сидят и несут какую-то ахинею не подозревающие о ее присутствии придурки. Тебя ласкает женщина, а они о взаиморасчетах... И начальник отдела смотрит так внимательно, словно подозревает, что я не здесь. Ощущения такие, словно доказываешь теорему Пифагора, а перед тобой в одном нижнем белье пошива шестидесятых сидит на стуле строгая как смерть семидесятилетняя Клавдия Моисеевна, учительница геометрии. И вот она говорит: «Если не ответишь, я и это сниму».

Неприятные ощущения.

Я поеду, конечно, на такси. Во-первых, день рождения предполагает прием спиртного, во-вторых, я понятия не имею, где находится дом семьдесят два на улице Маршала Василевского. Я и улицу-то Василевского не найду. Признаться, я и о самом Василевском почти ничего, кроме того, что он маршал, не знаю.

* * *

Я уже поднес руку к звонку, как увидел, что дверь в квартиру чуть приоткрыта. Странно.

Толкнув дверь, я вошел в прихожую, в которой витал аромат созревающей, вот-вот должной начаться и вскоре обещанной закончиться любви. Это букет из запахов свежего белья, смеси парфюмов на столике и влажных волос только что вышедшей из ванной женщины. Где-то в глубине гостиной светилось бра, но оно только подчеркивало мрак, в котором я оказался. Войдя и прикрыв дверь, не зная, что теперь делать с бутылкой шампанского, я поставил ее рядом с подставкой для обуви. Заодно и разулся.

Оригинальный подход к приему гостей для празднования дня рождения. Не исключено, что я должен был прийти в костюме, меня просто не предупредили. Не знаю, в роли кого я пригодился бы на этом таинстве потом, но пока мне не жал в плечах прикид Петрушки.

Делать нечего, нужно продолжать этот путь. Войдя в гостиную и найдя ее пустой, я обнаружил приоткрытую дверь в смежную комнату. И мне послышалось – или это на самом деле мне только послышалось, – скрипнул матрас и прощелестело одеяло.

Как-то сразу мелькнула мысль, что день рождения брата – это что-то вроде моих виниловых дисков Рея Чарльза. Старею, не проклянул с первого раза.

Я коснулся двери пальцем. Она шевельнулась, и тут же послышался глубокий вздох.

«Иди сюда...»

Примерно один к одному, что и это мне показалось.

Наполняя себя фантазиями, скабресными, но желанными, я решил последовать этому зову, пусть он даже мне померещился.

Главное, не врезаться ногами в кровать и не упасть на зеленоглазую, чтобы не сломать романтический настрой вечера и все остальное. Шажками японской гейши добравшись до постели, я почувствовал на своем животе горячую руку. Не останавливаясь, ловкие пальцы моей зеленоокой спутницы из подземки одним движением расстегнули молнию и проникли внутрь.

– Да...

Я бы ушам не поверил, если бы она сообщила, что нет.

Пиджак слетел с меня, как фантик с конфеты детдомовца. Путаясь в штанинах, я валился на кровать. Где-то я слы-

шал или читал, что мозг свой мы используем всего на десять процентов. Не знаю, не знаю... Все зависит от обстановки, наверное. Сейчас частое и доменное дыхание зеленоглазой открывало неизвестные мне ранее способности. Одним движением левой руки снять брюки и оба носка, это, знаете ли... Можете попробовать.

И едва я успел освободиться от шелка, хлопка и шерсти, как меня жадно приняло горячее, упругое женское тело...

Я плохо помню последствия этого. Поскольку каждый новый курбет зажигал в моей и без того сияющей душе все более яркий свет, хронология происходящего утрачивалась по минованию надобности. И я бы с удовольствием поставил нотабене на особенно примечательных моментах этого столкновения планет, да только ничего не помню. Ну, бывает так... Когда очень хорошо или когда очень плохо.

Сначала мне было хорошо. От упругости выпуклостей и бездонности впадин желанного тела меня трясло, и плюнь на меня кто в тот момент, раздалось бы шипение. Но с течением времени ситуация стала меняться. Мне было то хорошо, то плохо. Я вертелся как в центрифуге, от чего меня тошнило и икало, потом я оказался в роли коня амазонки... через минуту уже и сам скакал куда-то, подобно булгаковскому герою за тем лишь исключением, что не было не только лунной дороги, но и даже огонька в конце пути... А возраст, знаете ли, уже не тот, чтобы под седлом ходить.

И вот наконец, когда я уже почти готов был взорваться

тостом от такого неожиданно-приятного празднования дня рождения, зеленоглазая уронила меня на спину и снова оседлала.

Неземное удовольствие после этого маневра длилось всего несколько секунд. Дальнейшее потрясло настолько, что меня едва не подкосила эректильная дисфункция. Зеленоокая, набрав в грудь воздуха, запела.

Я бы и здесь хотел сказать, что, мол, так иногда бывает... Прилив чувств... эйфория, грогги... Но, мама дорогая, я не могу припомнить, как ни тужусь, чтобы на мне пели.

И не просто пели, а...

Я обожаю «Травиату» с Нетребко. Заядлый театрал, я могу в мгновение ока отличить фальшь от маститого голоса. Раз в месяц меня одолевает тоска по высокому и чистому, и тогда я рвусь в Большой, чтобы слушать, слушать. Слушать...

А тут нате. Не нужно никуда рваться. А главное, никаких очередей за билетом. Ты уже у самой кассы. Не, на Нетребко я билет сегодня купил за банку пепси, но меня тем не менее не обманули. Это было не душевое пение. Надо мной лилось восхитительное сопрано. Что-то напоминающее Кирстен Флагстад в расцвете сил.

Нет, я не против вокала. Просто не привык слушать арии из оркестровой ямы.

Качаясь и роняя мне на лицо влажные волосы, зеленоглазая пела и качалась, качалась и пела, а я, признаться, не мог

набраться смелости, чтобы встать и уйти из зала. Человек поет для тебя, надрывается, ну, может, не столько для тебя, сколько для себя, но ведь и ты слушаешь. И вдруг ты всташь и уходишь. Это как если освистать. Вот взять сейчас и, находясь в ней и под ней одновременно, освистать. Это то же самое будет.

С другой стороны, все хорошее со мной уже давно случилось. Приблизительно за мгновение до того, как Альфред стал искать ссоры с бароном, а Виолетта в тревоге за жизнь возлюбленного пыталась предотвратить дуэль, все и произошло. Со мной было кончено, но зеленоглазая решила, видимо, испить эту чашу до дна в одиночестве. И около десяти минут я слушал, как силы оставляют Виолетту, как радость ее сменяется бурным отчаянием – ведь мать ее, сука, – она не хочет умирать, когда счастье так близко! В последнем порыве Виолетта – я помню – должна была броситься к Альфреду, умереть на его руках и там закончить свой страшный путь...

Она так и сделала. Никакой отсебятины.

Упала и закончила.

Или на самом деле умерла? Я не сразу понял. На всякий случай осторожно взялся за ее запястье. Маленькие чертики в ее руке тут же забарабанили по подушечкам моих пальцев. Пульс под двести – как у биатлонистки на стрельбище. Слава богу! Когда умирают у тебя на руках, это одно. А когда на... Это, как правило, требует дополнительных объяс-

нений у представителей власти, поскольку из списка ответов на их вопросы выпадает ответ главный: «Как вы обнаружили труп?» Если еще учесть, что в девяти из десяти текстах их протоколов встречается «тупой и тяжелый предмет», то позиции мои, окажись зеленоглазая бездыханна, были бы как никогда уязвимы.

Ошеломленный и почти сошедший с ума, я выбрался из-под бездыханного тела певицы.

– Там... в холодильнике, – услышал я, – возьми чего-нибудь... поешь...

Я остолбенел. «Возьми на тумбочке двести баксов» прозвучало бы куда романтичнее.

Ни хрена себе, сходил на день рождения брата.

И зачем я, спрашивается, знакомился с биографиями французских поэтов Вио и Малерба? Зачем учил Рембо? Когда мне это теперь еще пригодится?

Пресвятая богородица, да за этот рекламный ролик совет директоров «Пепси-кола» должен мне, по идее, вручить чек, чтобы я сам вписал в него сумму! «Хочешь вечером узнать, куда заводят мечты? Выпей утром баночку пепси!»

С клубком одежды в руках, измочаленный и пустой настолько, что гудел изнутри, я выбрался из спальни. Из темноты в темноту. Одевался я долго. Все тело мое ныло и требовало ванны и анальгина. Проскакать сотню верст под поющей примой – это, я вам скажу, требует долгих лет тренировок. А у меня в резерве всего два года велоспорта в начале

далеких восьмидесятых...

В прихожей я откупорил шампанское.

За здоровье ее брата, дай бог ему здоровья, пендосу проклятому...

Пинком открыл дверь, которая здесь, похоже, вообще никогда не запиралась, и вывалился на лестничную площадку. Залив в себя треть и бурля как паровой котел, стал неуверенным шагом спускаться по лестнице. Слава богу, третий этаж.

Эхо тихого разговора поднялось по лестничным маршам и встревожило мой слух. Они и она поднимались по лестнице. Дай вам бог, родные, чтобы все хорошо у вас было и никакого пения...

Залив в себя еще, так, что раздулись щеки, я развернулся и увидел двоих. Он и она. Он – лет двадцать пять. Она...

Когда я разглядел ее лицо, шампанское с шумом и треском вылетело из моего рта и залило стену.

– Ты куда?! – испугалась зеленоглазая. – Я же специально дверь открытой оставила, чтобы ты вошел!

– А-а... – начал я, показывая за спину и чувствуя, как внутрь меня проникает могильный холод.

– Вика уснула, а мы с Толиком за продуктами пошли!

– Уснула? – глупо повторил я, хотя в этой ситуации более благоразумно было бы спросить: «Какая Вика?»

– Вика – это жена Толика! – спохватилась зеленоглазая. – Ах, боже ты мой, да вы же еще не знакомы с ним!

Ерунда. Из всего, что можно о нем узнать, я не знаю сей-

час только место его работы.

– Познакомься, это Толик, брат мой! – и она схватила меня за рукав, как там, в подземке.

Мы пожали друг другу руки. Не знаю, что испытывал при этом Толик.

– Мы бы с тобой сейчас к нему и Вике ехали на день рождения, но у них квартиру затопили соседи! Мерзавцы и негодяи. Ты что, обиделся, что меня нет?

– Ну, в общем, нет... – глуша хрипотцу, порол я чушь. – Просто заждался. Огорчился.

– Ничего, мы сейчас Вику поднимем, она всех на уши поставит! – пообещал Толик.

Я знаю, это не было преувеличением.

– Ты знаешь, как она поет!

– Нет! – вскричал я.

– Она солистка Вологодского оперного театра.

– Да вы что? – я содрогнулся от мысли, что следом срысывается у меня с языка, но удержать ее не сумел. – Вот бы послушать...

– А мы ее попросим, – заверил меня Толик, волоча наверх пакеты с логотипом «Метро». Это слово преследует меня весь день. Познакомился в метро, побывал в Метрополитен-опере, и даже еда и та из «Метро»... Как это правильно: кеш энд керри. – И она споет.

Храни меня бог.

После пятой брат зеленоглазой положил мне руку на пле-

что, а я положил ему на плечо свою. После пятой все мы похожи на индейцев.

– Ты – парень моей сестры. А это значит... – он долго думал, что это значит, после чего вывел: – А это значит, что отныне ты мой лучший друг.

Весь вечер я наблюдал за тем, как прима Вологодского театра обхаживает своего мужа. То голову на плечо положит, то незаметно, как ей казалось, сунет свою голую ногу ему меж ног. И смотрит, смотрит, смотрит на него, и не нужно быть провидцем, чтобы понять, за что она его так благодарит. И весь вечер подскакивал какой-то чертик внутри меня и требовал справедливости. Мне так хотелось встать с рюмкой в руке и признаться, что это не он, это я был ее благодарным слушателем. Но и после шестой, и после седьмой у меня хватило ума не портить этим тостом уютную атмосферу гостеприимного, очень гостеприимного, дома.

Сложная это штука – подведение итогов за день. Прощаясь с зеленоглазой в прихожей и неприятно ее тем удивляя, я клялся, что плохо себя чувствую, что подскочило давление, что завтра я к ней обязательно приеду, а сам скрупулезно подсчитывал, что мог занести в актив прожитого мною дня. По всему выходило, что с утра до позднего вечера он был заполнен самосовершенствованием: я изучал французскую поэзию девятнадцатого века, смотрел в формате 3D «Травиату» и, как бы завершая духовное насыщение, трахнул жену лучшего друга. Ага, а еще – напился как свинья. Просто

удивительно, как в паузах между этим я не успел ни с кем поменяться марками и набросать пару шаржей на Арбате.

До места встречи я добрался на такси. В кафе у нашего дома, куда вошел, морщась от усталости и потрясений, я нашел сидящих за столиком Антоныча и... нет, не Геру, а Гришку, который должен был явиться получасом позже.

– Где Гера? – спросил я голосом вернувшегося на Землю космонавта.

– Он ушел за льдом, – еще более мрачным голосом сообщил Антоныч.

За льдом. Гера ушел за льдом. Это нужно было понять. Я потребовал дополнительных объяснений. Но в ответ получил одно, куда более невнятное, и не от Антоныча, а от Гришки:

– Я совсем не могу ходить... – и он, медленно опустив голову, посмотрел на то место на себе, которое, я знаю, никоим образом не отвечает за процесс передвижения.

В голове моей стали выстраиваться ассоциативные ряды, вспомнилось, на встречу с кем он ходил, и я, вовсе не желая выглядеть вульгарно, все-таки схамил:

– Фигуристка сделала тройной тулуп, когда ты был в ней? Веки Гришки потяжелели.

– Никогда, вы слышите, никогда, – глухо заговорил он, глядя то на меня, то на Антоныча, то на место, которое считал виновным в своей недвижимости, – я не испытывал такого страха. Я прошел войну, отпахал два года в роте глубин-

ной разведки ВДВ, видел смерть, но только в этой квартире я до конца понял, как важно оставаться мужчиной...

Из глубины кафе вернулся Гера, коротко кивнул мне и бережно уложил пакет со льдом между Гришкиных ног.

– Да что случилось-то? – рассердился я.

А произошло с Гришей событие немыслимое, напроочь отбывающее желание входить в квартиру женщины в ее отсутствие. Вышло так, как однажды случилось с перепившим Антонычем, который после десятидневного запоя однажды проснулся посреди ночи, чтобы в туалет сходить, да так и лежал, не шелохнувшись, до рассвета. Причину он объяснил нам так: «Представляете, открываю глаза, а на меня два красных глаза волчьих смотрят... И я терпел до утра». А когда в комнате посерело, выяснилось, что один красный глаз – телевизора, а второй – DVD-приставки, расположенные вертикально. То есть он как глаза открыл, на подушке головой лежа, так они ему и представились – глаза в глаза.

– Она сказала: «Вот ключ, жди меня, через час я вернусь». Ей нужно было заскочить к подруге, та ноготь сломала.

– Ноготь или локоть? – переспросил я недоверчиво.

– Для них это одно и то же, – встрял Антоныч.

Гриша согласился подождать в квартире. Поднялся и отпер дверь. Побродил по квартире, убивая время, посмотрел фото на стенах, где фигуристка его то с летчиком Путиным в Кремле, то с участником «Евровидения» Плющенко в Ванкувере, то с певцом Зверевым на каком-то тусняке. Посмот-

рел, увидел столик с косметикой, и понесла его нелегкая духи рассматривать. На «Шанель» остановился, потому что флакончик выскользнул из рук, залив божественным нектаром его руки.

Прикасаюсь к фигуристке пахнущими женщиной духами Гриша посчитал моветоном и отправился скорым шагом в ванную, чтобы отмыться. И вот тут-то начинаются его самые пронзительные воспоминания, оставившие неизгладимый след на его – чуть не сказал – душе.

– Не успел я дотянуться до кранов над раковиной, как вдруг в крошечной темноте кто-то бросился на меня из ванны и ухватился за то самое место...

Он грустно поморщился, опустил взгляд долу, и Гера вынужден был прийти к нему на помощь.

– Которое маркиз де Сад непременно назвал бы своим именем, но которое Гриша, зная, что рассказ этот слушать будут люди интеллигентные, назвать вслух не решится никогда.

– Сначала я подумал, что это кошка...

И Гера ему снова помог, едва не заставляя меня и Антоныча заподозрить, что он был тому свидетелем:

– Но разворот пасти и степень сжатия челюстей были таковы, что он тут же признал эту версию непригодной.

– Между тем это нечто, вместо того чтобы закончить дело логично, посчитало миссию свою на этом законченной, – доложил Гриша. И вдруг затосковал. – И повисло...

Редко случается так, чтобы двоим людям удавалось успешно рассказывать одну и ту же историю одновременно.

– Не дай вам бог испытать это... – губами цвета сырых котлет прошептал пострадавший.

До сих пор в жизни своей ничего убедительнее я не слышал.

– Пятясь, я вышел из ванной и уже при дневном свете обнаружил, что это, слава богу, не черт, но и, к сожалению, не собака. Уцепившись за мотню, вернее сказать, заглотив ее полностью, меж ног моих висел енот. Знаете, как разорванная ушанка... Лапы так раскинул... – Леша руками показал как. – Хвост, поденок, распушил...

– Ну, еще бы не распушиться от такого удовольствия, – бросил Антоныч.

– Откуда в квартире фигуристски енот? – не помню, кто спросил. Возможно, я.

– Я спрашивал, он не знает, – ответил Гера.

– Может, Зверев подарил? – предположил Антоныч.

– Первым малодушным импульсом моим было желание позвонить в милицию, – не слыша нас, бормотал Гриша. – Но, слава богу, благородное происхождение взяло верх. Я вспомнил, где и при каких обстоятельствах нахожусь.

– При таких обстоятельствах я бы и не вспомнил о своем благородном происхождении, – опять встрял Антоныч.

– И он решил выпутываться сам, – подготавливая нас к событиям еще более страшным, покачал головой Гера.

– Выпутаться, надо сказать, было не так-то просто, поскольку енот вцепился мертвой хваткой и, судя по всему, оказавшись в положении виса, впал в прострацию.

Выслушав потерпевшего, я попытался представить себе это. По отдельности – енот отдельно, Гриша – отдельно, – у меня получилось. Вместе картинка не складывалась. «Аватар» я бы никогда не смонтировал.

– А в этом своем состоянии он был особенно опасен, поскольку в любой момент мог очнуться и завершить начатое, не отдавая себе отчета в том, что делает, – продолжал воспоминания Гриша.

– Откуда такие познания енотовой психологии? – удивился Антоныч.

– Он считывал информацию прямо с диска, – пробормотал я, уже понимая, что моя трагедия второстепенна. – Это же как флешку вставить.

Айс-терапия оказывала на Гришу благотворное действие. Он вяло двигал веками и томно дышал, как если бы ему на гульфик не лед положили, а леди Гамильтон присела.

– Около получаса я думал, что делать, а потом циркулем двинулся к прихожей и вышел на площадку.

Это я представить уже не смог.

– Чтобы не нервировать енота перестуком лифтовых троев, я решил идти пешком.

– Как быстро начинает соображать человек, столкнувшись с дикой природой...

– Помолчи, а?! – заорали мы с Антонычем на Геру, и подошедший официант отскочил от нашего столика.

– Где-то между этажами я встретил мужика, – продолжался долгий рассказ. – Встреча была неизбежна.

Я уже знаю, что, когда репродуктивная часть тебя занята ожиданиями, фразы складывать начинаешь как Артюр Рембо. «Встреча была неизбежна»... Боже мой, когда доведется еще раз услышать это из Гришкиных уст? Но вслух говорить не стал. Интересно, что бы я сделал в такой ситуации?

– Когда мы поравнялись, я ему предложил: «Шкуру енота нужно? Задарма отдаю». И он тут же потерял интерес смотреть на товар...

Далее события разворачивались следующим образом. Идти при солнечном свете по улице с болтающимся меж ног енотом было как-то глупо, но стоять в подъезде и ждать фигуристку было вообще невыносимо. Трудно было предположить, что она знала о существовании енота в своей ванной. Скорее всего, зверь перебрался от соседей через открытую лоджию. Но Грише как-то не хотелось на первом же свидании предаваться таким рассудительным беседам с женщиной, имея енота на члене. Он пошел к своему «Лексусу», припаркованному в соседнем дворе (трюк из арсенала старых женатиков), и уже минут через пять стал объектом пристального внимания милицейского «уазика», который ехал по дороге параллельно с ним со скоростью два километра в час. Оба сержанта, не скрывая любопытства, смотрели в

окно и пытались найти объяснения такой странной дружбе между человеком и его меньшим братом. Жестокое обращение было налицо, но с животным или человеком – им было непонятно.

– Пришлось сказать, что развожу енотов и один из них взбесился, – признался нам Гриша. – Один из сержантов оказался охотником и подтвердил, что сейчас у них брачный период. Кстати, он-то и обнаружил, наклонившись, что это самка.

– А второй что? – поинтересовался Антоныч. – Второй сержант?

– А второй, сволочь... – в тридцативосьмилетних Гришиных глазах засветился серый гнев. – Второй спросил, мол, не решил ли я в этой связи воспользоваться правом первой брачной ночи...

– Гриш, – по-отцовски заговорил Антоныч, – да ничего страшного. Сейчас отойдет, коньячку завалим грамм по двести. И никаких проблем...

– Я пахну женскими духами... мне сделал минет енот!.. Жить я могу только со льдом на яйцах, а завтра у меня приежжает жена – так что не говори, что у меня нет никаких проблем!..

– Может, ты скажешь, что вы с Антонычем боролись в зале и он тебя нечаянно укусил? – предложил Гера.

– Мы же не можем оставить Гришу в таком состоянии, – вздохнув, сказал Гера.

«И меня», – подумал я. Свою историю рассказывать не было надобности. По сравнению с только что рассказанной она выглядела недостаточно угнетающе. Мне хоть спели.

– А ты не мог его по ушам ладошками ударить? – спросил Антоныч. Его явно огорчала перспектива отказа от поездки.

Гриша поднял на него влажные глаза.

– Чтобы он, глухой, убежал с моим членом?

Повисла тишина.

– Антоныч, зачем мы здесь собрались? – почесывая ухо, поинтересовался Гера. –

Вообще-то я планировал посмотреть футбол и завалиться спать. Завтра чертовски трудный день – суббота. В субботу я не знаю чем заняться.

Мы посмотрели на Антоныча.

Глава 2

Ответил он не сразу. Антоныч никогда не отвечает, не подумав. Хотя в данной ситуации мне трудно понять, над чем можно думать, предварительно созвав друзей в кафе.

– У меня проблемы.

– Большие, чем у Гриши? – уточнил я.

– Куда серьезнее.

Я не знал, что может быть серьезнее проблемы Гриши, а поэтому предложил:

– Пять минут. Больше я все равно не выдержу. Или ты говоришь, или я пошел домой. Я пьяный и растерзанный.

– Антоныч, в самом деле, – возмущенно поддержал меня Гера. – Сколько можно нищего за рукав тянуть?

– Вчера я переспал с женщиной.

– Поздравляю, – сказал Гера.

– Не с чем, – ответил Антоныч.

После небольшой паузы Гриша буркнул:

– Подхватил, что ли?

– К черту подхватил! – вскипел Антоныч. – Если бы... Все хуже.

– Она забеременела?

Иногда мне кажется, что Гриша – самый тупой из нас. Быть может, это и является причиной того, что кусают его, а не Геру или, предположим, меня. В самом деле, разве умный

человек будет нюхать в квартире женщины духи? А сейчас Гриша или не услышал слово «вчера», или, выполняя наше пожелание ему на день рождения, «продолжает оставаться самим собой».

– Эта женщина – дочь префекта.

– Так близко к власти ты не был еще никогда, – вырвалось у меня.

Вылетело это из меня помимо моей воли. Иногда мне приходится страдать из-за того, что мой мозг не поспевает за языком. В прошлом году Антоныч пытался стать депутатом, но у него ничего не вышло. Один из конкурентов назначил ему встречу, вот так же, в кафе, и предложил Антонычу снять свою кандидатуру. В благодарность за это кандидат пообещал не предавать огласке связь Антоныча с более чем двумя десятками женщин столицы, за небольшую мзду согласившихся рассказать о своей связи с будущим депутатом Антонычем. Нечего и говорить, что в свете предвыборной борьбы за приоритет семьи позиции Антоныча стали легко уязвимы. Поразмыслив, он снял свою кандидатуру, протестуя этим против политики властвующего тандема. Выглядело это эффектно и обещало некоторые перспективы на следующих выборах. Но рана еще кровоточила, и моя необдуманная реплика выглядела как стакан уксуса, на нее вылитый.

– И сегодня утром она рассказала ему о нашей связи.

– У дочери префекта проблемы с головой? – спросил Гера.

– Нет. Просто я... Просто я позабыл на столике в гостинице свой паспорт.

У меня похолодели уши.

– А он, оказывается, уже три месяца как следил за ней. Детектив позвонил префекту, он примчался в «Комету», но я к тому времени уже ушел. Без паспорта... Как бросил его на столик, так он там и остался...

– Нет, это не дочь префекта тяжело больна, – и Гера покачал головой. – Это с головой Антоныча не все ладно.

– И что теперь?

– А теперь он позвонил мне и назначил встречу. Ночью, – Антоныч потер висок пальцами. – И я вас пригласил, потому что, думаю, он не один придет.

– Конечно! – вскинулся Гриша. – Он придет с кузнецом! А ты хорошо сделал, что нас собрал. Умрем все!

Я стал понемногу трезветь.

– Хватит, – я махнул рукой. – Антоныч правильно поступил. Встретимся, пусть они поговорят. Может быть, сообща найдем решение. Одна голова хорошо, а две лучше.

Произнеся это, я понял, что протрезвел еще недостаточно. А поэтому слова Геры «ты что несешь, как здесь можно найти решение, тем более сообща?» воспринял как должное. Но у меня нашлось возражение:

– И что теперь? Оставить Антоныча на растерзание государственной власти?

Антоныч – самый старый из нас. Ему сорок два. Четверть

века назад в нашем дворе было две компании: одна состояла из маленьких десятилетних недоносков вроде меня и Геры, бьющих стекла и по вечерам забрасывающих в открытые окна первых этажей котов, и вторая – взрослых парней вроде Антоныча, занимавшихся борьбой и проводящих вечера с девушками в беседках детских садов. Время стерло разницу в семь лет, и очень скоро Антоныч сошелся с нами. Мы подарили ему вторую молодость, а он нам мудрость старого холостяка.

– Нужно позвонить кому-нибудь, порасспрашивать про этого... – я потряс кистью. – Как его фамилия? Как фамилия префекта?

– Фамилия его дочери Сказкина.

– Сказкина? – повторил Гриша. – Хорошая фамилия. А он, стало быть, Сказкин. Кому мы можем позвонить?

Выяснилось, что во властных структурах у нас нет никого, с кем бы можно было пропустить по рюмке водочки. Но Гриша вспомнил, что в Федеральной регистрационной службе работает дядя его знакомого. И дядя этот, перед тем как уйти на государственную службу, некоторое время получал зарплату в правительстве Москвы. Не то в ранге министра правительства Москвы, не то в должности заместителя заместителя. Как бы то ни было, префекта Сказкина он должен был знать хорошо.

Выйдя из кафе, мы решили закурить и дать возможность Грише воспользоваться трубкой.

Время тянулось нудно и долго. Сначала Гриша позвонил своему знакомому Владиславу Александровичу и долго расспрашивал о здоровье последнего. Потом они зачем-то вспоминали серию матчей, а именно – вторую встречу СССР – Канада семьдесят четвертого года. И только когда сошлись на том, что судья, не засчитавший гол Петрова, – сука, Гриша заикнулся о действующем сотруднике ФРС.

Я докуривал вторую сигарету и ходил кругами. Гера стоял как вкопанный, Антоныч качался с пяток на носки. Наконец чудо произошло. Почти разрядив аккумуляторы своего телефона, Гриша сообщил:

- Ему можно позвонить прямо сейчас.
- В двенадцать ночи? – усомнился я.
- Мне так сказали.
- Тогда звони, – приказал Антоныч. – У нас каждая минута на счету.

На всякий случай Гера смотрит через плечо Гриши и записывает номер в память своей трубки.

Разговор показался мне странным.

– Алло, – произнес Гриша в трубку. – Я могу услышать Гюнтера Алексеевича?

– Гюнтера Алексеевича? – сморщившись как сморчок, повернулся ко мне Гера.

– Здравствуйте, Гюнтер Алексеевич! Как ваше здоровье?

– Идиот, – прошептал Антоныч, а Гриша закрыл рукой трубку и сказал нам:

– Он спрашивает, какого хера мне нужно.

– Скажи, что от Владислава Александровича.

– Я от Владислава Александровича, – сказал Гриша в трубку, после чего снова зажал ее рукой и сообщил нам: – Он снова спрашивает.

– Напросись на встречу! – попросил я.

– Гюнтер Алексеевич, с вами можно встретиться? – спросил Гриша Гюнтера Алексеевича и повернулся к нам. – Он опять спрашивает.

Я вырвал у него трубку.

– Гюнтер Алексеевич, четверо хороших знакомых вашего знакомого Владислава Александровича попали в беду. Последняя надежда осталась на вас, и, если вы им не поможете, они погибнут.

– Я ни хера не понял, – сказал мой собеседник, – но пусть они приедут через час в ресторан «Дубрава» на Кутузовском. – И отключил связь.

– А как мы его узнаем? – ошеломленно пробормотал Антонич, глядя на меня.

В моем кулаке запиликала Гришина трубка. Я передал ее хозяину, и Гриша, войдя в связь, приложил ее к уху. Сказал «хорошо» и отключился.

– Он сказал, что будет сидеть слева от фикуса за вторым столиком.

Фикус мы нашли через час. Информация была верная – за вторым столиком сидел худой, словно узник концлагеря, и

высокий, как баскетболист, мужчина лет шестидесяти. Хмуро размешивая в чашке кофе сахар, он давил взглядом стоящую на серебряном подносе рюмку с чем-то прозрачным. Я готов был биться о заклад, что это была не вода. Дорогой костюм, светлая рубашка, безупречная прическа – кажется, это был тот, кто нам нужен. В руке он крутил гильотину для сигар.

– Садитесь, – едва глянув на нас, произнес он. – Влад старая сволочь. Ему все равно, что человек истощен болезнью и слаб как ребенок, – с этими словами он оторвал рюмку от подноса и опрокинул ее содержимое в рот. – Принеси еще! – велел он официанту, который появился сразу, как опустела рюмка. – Что вам нужно? Садитесь же, иначе подумают, что за мной пришли. – Приняв вторую рюмку, он выпил и ее. И снова отправил официанта за полной.

– Мы не будем злоупотреблять вашим терпением, – предупредил я, сев на краешек стула, как поручик перед дочерью помещика. – Все, что нам нужно, – это информация о второй жизни префекта Сказкина.

Гюнтер Алексеевич уже поднес к губам рюмку, но, когда я произнес – «Сказкина», поставил на стол.

– Вы ему задолжали?

– В некотором роде, – помог мне Антоныч.

– Тогда нужно вернуть, девочки, – сказал Гюнтер. – И чем быстрее, тем больше солнечных дней будет в вашей, теперь уже короткой, жизни.

– Видите ли, в чем дело, – вмешался Гера. – То, что взято, вернуть нереально.

Гюнтер медленно, как лекарство выпил водку. Он цедил так старательно, что сквозь водку я видел его здоровые, крепкие резцы.

– Я болею, – сказал он, дождавшись, когда выпитое заживет с ним одной жизнью. – А старая, седая сволочь Влад присылает ко мне четырех девочек, которые говорят мне глупости. Нет того, чего нельзя было бы вернуть.

– Как бы то ни было, так ли страшен Сказкин, как о нем рассказывают? – настойчиво любопытствовал я.

– Сколько вы ему должны? – решил не отставать от меня Гюнтер.

– Ни копейки.

– Что, кто-то из вас оскорбил его собаку?

Антонич придвинулся к столу вместе со стулом.

– Я объясню. У Сказкина есть дочь...

Гюнтер не шевелился.

– Альбина.

Никакой реакции со стороны Гюнтера.

– Вчера мы встретились и... туда-сюда... познакомились.

– Насколько близко? – уточнил Гюнтер, подавая знак официанту.

Я забеспокоился. Может так случиться, что мы не успеем договорить, а он уснет.

– Господи, сколько можно из пустого в порожнее!.. – по-

высил голос Гера. – Он выпался с ней!

Гюнтер сделал какое-то движение лицом, отчего его прическа на пару сантиметров уехала назад. А потом вернулась на место. Или водка нашла свое место в его желудке, или таким образом он выражал свое удивление.

– Ты переспал с Альбиной? – тихо спросил он Антоныча.

– Сколько трагедии, – огрызнулся тот. – Я же не убил ее, а переспал.

– Лучше бы ты ее убил.

– Мне что теперь, жениться на ней? – возмутился Антоныч.

– У тебя нет на это времени.

– Это почему? – спросил Гриша, единственный из нас, кто был женат.

– Девочки, ройте братскую могилу.

– Мы вас не понимаем, – заметил Гера.

Гюнтер откинулся на стуле и вытащил из кармана сигару.

– Я расскажу вам одну историю. – Отсек гильотиной кончик, прикурил от зажигалки официанта и окинул нас усталым взглядом сквозь пелену густого сизого дыма. – У одной женщины родился мальчик. Во всем он был похож на остальных детей, кроме одного – вместо пупа был у него болт на тридцать шесть. Шли годы, мальчик рос, и стал он интересоваться этой странной особенностью, но мать отнекивалась и говорила: «Подожди». И вот исполнилось ему шестнадцать лет, и узнал он правду о тайне, окружающей его...

– Прощу прощения, – вмешался Антоныч, – но нам, если позволите, не до историй. Мы в сложной ситуации...

– Я здесь командую парадом или вы? – спросил Гюнтер.

– Вы, конечно. Но ерунда какая-то получается. Вместо пупа – болт... – сопротивлялся Антоныч, пытаясь хоть как-то подобраться к делу.

А я сейчас вырублюсь, если они не сменят тему. Уже в течение получаса меня штормит и растаскивает в разные стороны от выпитого. Чертов день рождения... Угроздило же этого придурка родиться именно сегодня!

– То ли еще будет, – многозначительно пообещал Гюнтер. – Так вот, еще в детстве гадалка сказала, что найдет мальчик разгадку за тридевять морей, за тридевять лесов, на высоком дубе в сундуке. И отправился мальчик в поход, – Гюнтер пыхнул сигарой и кашлянул. Аристократически так. Словно не чушь при этом порол, а биржевые новости обсуждал. – И случилось с ним все так, как предсказала цыганка. Нашел он дерево, увидел на нем сундук. Свалил его на землю, разбил. Из сундука выскочил заяц, потом из зайца – утка, а из утки вывалилось яйцо. Подобрал мальчик яйцо, разбил и увидел ключ на тридцать шесть. Стал он откручивать ключом болт, и у него отвалилась жопа.

Я открыл глаза.

Открыл и посмотрел на всех по очереди. Это должно было меня привести в чувство.

– Так вот вы, девочки, нашли на свою жопу приключе-

ний еще более остросюжетных. Через месяц Альбина, дочь префекта Сказкина, должна была стать женой внука принца Брунея Саида.

Я непроизвольно дернул ногой. Тик меня поразил, но поскольку лицо мое было безразлично к такого рода реакциям, заряд ушел ниже. Надо же, какую свинью Антоныч подложил внуку принца. Но лично я ничего страшного в этой истории пока не вижу. Если языком не трепать, то принц ничего и не узнает. Я был слишком пропитан этилом, чтобы понимать простые истины. Поэтому мне не понятно, почему Антоныч так побледнел и занервничал.

– В качестве выкупа дедушка Саида обещал будущему тестю... – Гюнтер прервался, чтобы выпить очередную рюмку. – Вы можете себе представить миллиард верблюдов? Вот если их продать, то сумма будет очень похожа на ту, которую Сказкин получил бы, выйди Альбина за Саида.

– Ну и пусть выходит, – разрешил Гриша. – А в чем проблема?

– В чем проблема? – повторил Гришиным голосом Гюнтер – ему бы пародистом работать, а не в регистрационной службе – и посмотрел на Антоныча взглядом, каким сопровождают бросаемую на гроб в могилу пригоршню земли. – Мы с этой девочкой знаем, в чем дело.

– Не надо меня называть девочкой! – рявкнул Антоныч.

– Я разрешаю тебе говорить что угодно, девочка, – сказал Гюнтер. – Перед смертью, конечно, лучше выговориться. –

И он повернулся к нам. – Вы обнаглевшие, зажавшиеся, обалдевшие от безделья кобели – девочки. Я слышал, что-бы принцы забирали право первой ночи у смердов, но чтобы смерды это право забирали у принцев...

Что-то с этим правом у нас одно за другое цепляется...

– Пресвятая богородица!.. – вскричал Гера, и голос его был близок к орлиному клекоту.

– Антоныч?.. – похолодев, как в том кафе, прошептал я. Наконец-то и я понял весь трагизм положения Сказкина. А значит, и свой.

– Да, да!.. – прокаркал он. – Девственницей она была!..

Посетители ближайших столиков внимательно нас рассмотрели.

– А я откуда знал, что она за принца?! Говорит – замуж против воли выдают, а я тебя люблю!..

– Ты же сказал, что только вчера с ней познакомился? – напомнил Гюнтер.

– А вы слышали что-нибудь о любви с первого взгляда? – спросил Гера.

Гюнтер поморщился и почесал у себя за ухом, как у лошади.

– Поскольку вы сейчас передо мной, следовательно, со Сказкиным вы еще не встречались. Чего вы от меня хотите?

– Совета, – нашелся Гера. – Мы хотим совета. Как нам теперь поступить, что делать?

– Я вам скажу, что делать. Возьмите четыре лопаты.

– Так, – сказал Гриша.

– И прямо сейчас начинайте копать тоннель в Новую Зеландию. – Гюнтер икнул.

– Послушайте, – тревожно заговорил Гера. – Но есть же медицинские операции! Ситуацию можно исправить. Быть может, вы нам подскажете, к кому из врачей обратиться?

– Не все можно зашить, молодой человек, – поскольку Гюнтер не назвал Геру «девочкой», ситуация показалась мне серьезной. – «Бритиш Петролеум» какую-то долбаную скважину уже два месяца заткнуть не может, а тут дело посложнее будет.

– Не окошмариваете ли вы ситуацию, Гюнтер Алексеевич? – недоверчиво встрял Антоныч.

– Я вот что скажу тебе, пострел. Раньше самой большой проблемой в своей жизни я считал имя, которым меня нарекли мама с папой. Но сейчас я вспоминаю тот день, когда познакомился со Сказкиным. И мне сразу становится легче.

– А что вы вообще можете о нем рассказать? – спросил Гриша. – Что он за человек, чем интересуется? Слабые стороны?

– Он разводит цветы у себя на Рублевке. Он вам понравится. Но если в голове у вас есть хотя бы один грамм мозгов, возьмите карту и найдите на ней Новую Зеландию, – бросив на стол салфетку, Гюнтер поднялся. – Удачи вам не желаю. Какая тут, к черту, удача.

Передал официанту несколько купюр и ушел.

– Да что его слушать? – решительно отмахнулся уже на улице Гера. – Старый алкаш! Как они любят друг о друге ужасы рассказывать! Прямо не Сказкин, а Франкенштейн! Сколько там до встречи?

– Полтора часа, – угрюмо отозвался Антоныч, натягивая манжету на рукав.

– Вот и поехали. Поговорим, найдем общее решение. В конце концов, он тоже человек.

Да, это было лучше, чем путешествие в Новую Зеландию. К последнему я не был готов, потому что послезавтра должен был сдать отчет по продажам.

Кафе, в котором Сказкин назначил встречу Антонычу, мы нашли быстро. Расселись за столиком и замолчали в тревожном ожидании. Конечно, пьяная болтовня Гюнтера нас напугала, но мне почему-то казалось, что префект не ворвется в эту забегаловку, чтобы нас расстрелять. Если назначил встречу, значит, все обдумал и принял какое-то решение. И вряд ли оно станет причиной покупки нами лопат. Скорее всего, деньги. Но сколько?..

Только сейчас я понял, что за столиком идет спор, который вроде бы завершился пониманием несколько часов назад.

– В такую ситуацию любой из нас может попасть! – уверял Гриша, по-товарищески стуча Антоныча по спине. – Хочешь нас бросить? Валяй!

– Да разве я об этом говорил? – сказав это, Гера поправил

воротник рубашки Антоныча. — Это я так, чтобы в следующий раз он документы при себе держал и где попало не разбрасывал...

— В следующий раз? — переспросил Гриша, глядя в сторону входа. — Следующего раза может и не быть... девочки.

Я повернул голову в том же направлении.

Глава 3

В кафе входили человек шесть или семь. В разномастных костюмах, коротко стриженные, на этих ребятах можно было пахать и сеять. Войдя, они тут же угукнули что-то бармену, и через несколько мгновений в зале нарисовался администратор. А еще через мгновение последний заговорил вслух о том, что кафе закрывается и все должны срочно его покинуть.

Почувствовав легкий холодок в груди, я посмотрел на Геру. Мне показалось, что он тоже чувствует легкий холодок в груди. Хотя, чего врать, я был близок к поносу.

Как только в дверях скрылась спина последнего из посетителей, в кафе появился еще один. Щуплый, что неудивительно для его возраста, который я оценил лет этак в шестьдесят, в костюме сотрудника компании по оказанию ритуальных услуг: черный костюм, белая рубашка и черный галстук. Впрочем, когда он приблизился и его коснулся свет, я увидел, что галстук серый. Но легче от этого мне почему-то не стало. Возможно, моим позитивным мыслям мешала блестящая, как бильярдный шар, голова старичка. Подобно зеркальной сфере под потолком бара она отражала падающие на нее лучи света и слепила. Неприятные ощущения. Он словно специально для знакомства с нами ее выбрил.

Подойдя, старец осмотрел нас взглядом гомосексуали-

ста-изувера, и один из двоих явившихся с ним холуев тут же приставил к нашему столику пятый стул. Если бы не линзы очков, сверкающие, как глаза ястреба, то его можно было бы принять за профессора-ботаника из университета. Такие способны заплакать, ставя «неуд» в зачетку студента. Но очки непостижимым образом превращали жалостливого дедушку, читающего перед сном Мопассана, в лионского мясника Клауса Барбье.

– Вы, надо полагать, Сергей Антонович? – любопытствовал он, глядя на Антоныча.

С этого, собственно, все и началось.

– А вы, надо полагать, тот, кто хочет вернуть мне основной документ гражданина Российской Федерации?

Старичок улыбнулся и кивнул холую. Тот позвал администратора. Что-то ему сказал, и администратор кликнул официанта. Тот как трюсузка ускакал на кухню.

– Мне нравится в зрелых мужчинах дерзость, – сообщил нам дедушка. – Есть в этом что-то такое, что порождает ассоциации с мятым рыцарским шлемом или порыжевшими зубами, вонзающимися в прожаренную баранью ногу.

Он состоял от макушки до пят из аллегорий. Не очень удачных, надо сказать. С зубами у нас был полный порядок, ничего порыжевшего.

На столе, благодаря беспримерной скорости официанта, появился заказ.

Взяв со стола чашечку вместе с блюдечком, дед налил в

блюдечко чаю и отхлебнул.

– Молодой человек, вам известно, что спать с дочерьми без благословения их отцов безнравственно?

Краем глаза я заметил, что двое из его свиты двинулись на кухню.

– Известно, – ответил Антоныч. – Но никак не могу заставить себя представить вас с иконой в руках.

Старичок поставил блюдечко, удовлетворенно потер ладошки и солнечно оскалился. Свет безупречных фарфоровых зубов придал нашей непринужденной беседе предчувствие ее скорого конца.

– Когда мне было шесть лет и я с папой и мамой жил в Твери, мальчик из третьего подъезда, с которым мы играли в песочнице, сломал мое ситечко. Боже мой, как я плакал.

Я присмотрелся. Или мне показалось, или на глазах старичка на самом деле показались слезы. Я приказал себе быть внимательнее. Вполне возможно, что слово «ситечко» мне послышалось, а на самом деле речь шла об авиакатастрофе.

– На следующий день я сучком выколол ему глаз. Я недавно встретил этого мальчика. Он до сих пор без глаза.

– И вы купили ему новый? – попытался Гриша вновь породить у старичка ассоциации о мятом шлеме.

– Вы мне нравитесь, – и префект указал на Гришу пальцем. – Хотя и ошиблись. Кому нужен одноглазый бродяга, роющийся в помойных баках? Время не сделало его лучше. Я пропустил его по частям через промышленную мясоруб-

ку. Знаете, эта селитра – от нее никакого толку. Лучше всего удобрять клумбы чистой органикой, – он налил себе в блюдечко еще. – К чему я это, собственно, рассказываю. Чтобы у вас сложилось достаточно ясное представление о моей натуре. Я бесчеловечен, и меня это угнетает. Особенно по ночам, когда остаешься один на один с богом, – старичок вздохнул и поправил очки. Только сейчас я заметил, что глаза у него бесцветные. – Но я ничего не могу с собой поделать. Это гены. Согласитесь, я не виноват?

Гера пожал плечами, я счел за лучшее не шевелиться. Выдержав паузу, старичок обернулся.

– Ну, у вас там все готово?

Мне стало настолько нехорошо, что показалось, даже щеки покрылись инеем. Раздался какой-то шум, и мы вчетвером посмотрели на входную дверь. Двое амбалов старичка затаскивали в кафе какого-то парнишу в одеяниях менеджера. Розовая рубашечка, серый костюмчик. Мне ли не знать... Лет несчастному около тридцати пяти. Ровесник. Специально, что ли, подбирал? Ощущение, что он несчастный, невозможно было заменить другим. Парниша упирался и всхлипывал. Увидев старичка, он принялся вопить:

– Роман Романович!.. Роман Романович!..

– И ничего-то я не могу с собой поделать, – сокрушенно произнес старичок. – Мое злопамятство, безусловно, зачтется на том свете. Гореть мне в аду синим пламенем. Чем дольше я живу, тем больше убеждаюсь в том, что совершенно не

умею разговаривать с людьми.

– Роман Романович, это недоразумение!..

– Вот видите, – старичок показал себе большим пальцем за спину и поморщился. – Человек говорит, что это недоразумение. Годы обязывают меня быть доверчивее, милосерднее. Но я ничего, абсолютно ничего не могу противопоставить своей жестокости. Кто-то сидит на моем плече. Посмотрите, – обратился он ко мне. – Вы никого не замечаете на моем плече?

– Нет, – сознался я.

Старичок огорчился, как мне показалось, еще сильнее.

– Вот видите, никто не замечает... А он сидит. Сидит и шепчет мне в ухо: «Этот сукин сын обокрал тебя на три тысячи долларов. Он закупил для твоих магазинов спиртное и получил откатом». И что прикажете делать?

– «Для твоих магазинов»? – переспросил Гера. – Я думал, вы префект.

Между тем амбалы повели манагера на кухню.

– Может, он врет? – спросил Гера под его непрерывные вскрики.

– Кто? – не понял старик.

– Который на плече.

Старик мгновение подумал.

– Может быть. Очень может быть. Но я ничего не могу с собой поделывать, – он вдруг резко для своих лет поднялся. – Пойдемте... – и он взялся за рукав стоящего рядом офици-

анта. – А чаек ваш, молодой человек, говнецо.

Мы загремели стульями, вставая, и под присмотром холуев направились на кухню.

Картина для заведения общепита была странная, чтобы не сказать – необъяснимая. Манагер оставался в пиджаке и рубашке, но брюки и трусы с него были спущены.

– Ну, давайте, чего уж там, – попросил старичок.

Один из его холуев, наклонившись, взял манагера за ноги, а двое других подняли за руки и посадили на плиту. Треск, шипение, вонь горевшего мяса и оглушительный крик слились воедино, объясняя мне, непонятливому, что плита была предварительно раскалена добела.

Манагер орал как ненормальный, а я, пытаясь рукой найти помощь слабеющим ногам, думал о том, что уже никогда в будущем не закажу в ресторане бифштекс. Если оно, конечно, будет, будущее. Странно только, что все это из-за того, что Антоныч забыл в гостинице свой паспорт.

Крик прекратился, и потерявшего сознание несчастного стащили с плиты.

– У меня в саду заболела гортензия, – услышал я сквозь дымку полуобморока. – Знаете, считается, что крупнолистные гортензии рекомендованы к выращиванию в основном в странах с более мягким климатом. Но не так давно появился особый сорт гортензии крупнолистной, которая способна к обильному ежегодному цветению и в холодном климате четвертой зоны, куда входит Москва... Вам нравится гор-

тензия?

Я поднял голову, чтобы убедиться, что вопрос адресован не мне. И в самом деле, старичок обращался к Гере.

– Не знаю, – ответил Гера и кашлянул.

Префект выставил в его сторону узловатый палец.

– Вот вы мне не нравитесь. Не нравитесь, и все. И ничего с этим не поделать. А знаете почему?

– Почему? – спросил Гера и еще раз кашлянул.

– Потому что мужчина должен точно знать, что ему нравится, а что нет.

Вряд ли Гера представляет, как выглядит гортензия. Я вот, к примеру, понятия не имею.

– Но мы отвлеклись, – сменил тему старичок. – Пойдемте за столик. Там и закончим наш разговор.

Как я снова оказался на стуле, не помню. В себя пришел только тогда, когда услышал голос Антоныча.

– Что будет с тем человеком?..

– С Архиповым?.. – старичок махнул рукой. – Его сожгут. Если пепел настаивать в воде неделю, получится замечательная подкормка. Главное, сливать прямо под корень.

– Ты больной сукин сын...

– Мы это уже обсудили, – отрезал старичок. – Перейдем к делу.

– Да поскорей, – хрипло добавил Гера. – Пусть гортензии в твоём доме приживутся, а все остальное вокруг передохнет.

– Вы думаете, я вас убью? – спросил старичок. – Прямо

сейчас? – он засмеялся дребезжащим смехом. – Какие глупости. Я деловой человек. Волю эмоциям не даю, как вы уже заметили. Заметили?

– Заметили, – бросил Антоныч. – Что дальше?

– А дальше, засранец, ты и твоя свора на меня немножко поработаете. Если откажетесь, то окажетесь у меня на участке, в мешках. Из этих мешков садовник будет брать понемногу, совочком... Кстати, садовник, кажется, тоже что-то замышляет, – он отвлекся и повернулся к одному из холуев. – Вы уж проверьте, замышляет или нет. Буду рад, если мои подозрения окажутся беспочвенными.

Холуй кивнул.

– И вас назначили префектом? – приглушенно спросил Гриша.

– Вы перестаете мне нравиться. Чувство справедливости вас портит – вот что я скажу.

Он поднял руку и щелкнул пальцами. И холуй тотчас передал ему тонкую папочку. Не знаю, откуда он ее вынул. Может быть, из кармана брюк.

– Вы знаете, что это такое? – он бросил папку, и фотографии, рассыпавшись, покрыли весь стол.

Я раскрыл корочки и собрал фото в стопку.

– Это Энди Уорхол.

Старичок улыбнулся мне как сыну.

– Ты хороший мальчик. Ты мне нравишься.

Это самое большое достижение за сегодняшний день.

Я понравился пожилому сумасшедшему садисту-извращенцу.

— Одна из самых дорогих коллекций картин основоположника поп-арта Энди Уорхола была похищена в сентябре прошлого года. Из дома одного бизнесмена, имя которого вам знать ни к чему, какой-то подонок, имя которого я вам назову, вынес одиннадцать полотен на шелке, — старичок закрихтел. — Вот так вот повесишь картинку на стену, а сволочь приبلудная придет и сымет... За информацию о местонахождении картин даже цену назначили — мильен долларов. Но что мильен, когда сами картинки стоят одиннадцать... А через пяток лет еще дороже станут. И вот надо же так случиться, что я знаю, где эти картинки.

— На фантики похожи, — Гера стиснул зубы.

Крутанув шеей, старичок снова оскалился. Он так улыбался. У моего соседа есть ротвейлер. Когда он меня видит — ротвейлер, — то поднимает верхнюю губу, глаза же продолжают оставаться стеклянными. Сосед говорит, что ротвейлер мне так улыбается. Меня же эта улыбка немного нервирует, и я спешу скрыться в квартире. Сейчас было то же ощущение, но скрыться было негде.

— Я назову адрес, а вы эти картинки мне принесете. И тогда я подумаю, что с вами делать. Может быть, и прошу вашего приятеля. Заодно и вас за то, что набрались смелости явиться сюда без разрешения. Но я ценю ваши чувства. Знаю, что такое дружба с детства...

– Вы хотите, чтобы мы эти картины... – в изумлении заговорил Гриша.

– Вот именно, сукины дети, – процедил старик и подался вперед. Вместе с ним подтянулись к столику и холуи. – Вот именно. И сроку я вам даю до вечера наступившего дня! На рассвете дня завтрашнего, если что-то у вас не заладится, вы будете снизу смотреть, как гортензии цветут. Вот здесь – нужная вам информация, – он выгрузил из кармана пиджака конверт и швырнул на стол.

– Я думал, что ты мне просто морду набьешь, – сказал Антоныч.

Старичок вынул платок, взмахнул им, как Кио. И я тут же подумал, что сейчас появится заяц. Злой такой, с огромными яйцами, красными глазами и зубами, как у того ротвейлера. Но ничего не произошло. Дедушка вытер руки и сунул платок снова в карман. А потом посмотрел на Антоныча взглядом таким, что если бы он был направлен на меня, я поседел бы в считанные секунды.

– Я тебе набью. Потом. А сейчас, если хотите жить, поднимайте свои задницы и занимайтесь делом!

Нечего и говорить, что повторять это дважды не было необходимости. Заскрежетав стульями, мы встали и направились к выходу.

– Я все вижу, – пророчески понеслось нам вслед.

Нынче не говорят: «Если обратитесь в милицию...» или «Если вздумаете шутить...». Сослагательные наклонения те-

перь вышли из моды. Коротко и ясно: «Я все вижу».

– Черт!.. Черт!.. – взревел Гера, едва мы успели забраться в раздолбанный «Крузер» Антоныча. – Спасибо, Антоныч! Я как раз не знал, чем занять выходные!.. – он с размаху врезал по стеклу двери со своей стороны.

– Да подождите вы шуметь! – огрызнулся Антоныч, словно истерику в машине мы закатили хором. Однако по существу он был прав. Я и Гриша не гремели только потому, что до сих пор находились в шоке. – Надо еще выяснить, не подстава ли это.

– Подстава? – заговорил наконец Гриша. – Что ты знаешь о подставах? Если это был розыгрыш, тогда Архипова нужно наградить медалью за отвагу и отправить в санаторий. На год.

– Лучше в Склиф, – добавил я.

– Все это ерунда, – уверенно заявил Антоныч. – Старик решил выдрепнуться и устроил шапито. Прикупил десяток балбесов из частного охранного предприятия и сейчас сидит за столиком и расплачивается.

– Это нетрудно проверить, – сказал Гера и задышал как лошадь. – Сходи, посмотри.

Сделать это Антоныч отчего-то не решился.

Через полчаса он, единственный трезвый из нас, поставил машины Геры и Гриши на стоянку у дома. Уверен, стоящий между ними мой «баварец» скучать не будет. Машины в моем понимании – живые существа. Раз так, то они и говорить

умеют. На своем, олпроудном, турбодизельном.

Глава 4

Нельзя сказать, что мы неудачники. У каждого из нас есть работа, квартира. Мы при деле. Уже и не помню, когда у меня возникала необходимость перехватить у Гриши или Геры «до понедельника». У Гриши, у того и жена имеется, что, впрочем, в графу «достаток» занести можно, если только оценить Киру как сокровище. И крал я последний раз, если не ошибаюсь, лет двадцать пять назад, как раз перед переездом в наш общий дом. Яблоки. А тут нате. Со взломом.

Отсидеться и привести мозги в порядок мы решили у Антоныча. Несмотря на то, что все было предельно ясно, события в логическую цепь в голове все равно не укладывались. Лично я вывел для себя такую последовательность: «Антоныч трахнул дочь Сказкина, поэтому я должен украсть для Сказкина коллекцию картин Уорхола». Согласитесь, странная следственная связь. Как-то неубедительно второе вытекает из первого. Но стоит вспомнить звук шипения задницы на плите, как логика начинает прослеживаться.

– Я не понял, – сказал Гриша, вынимая пиво из холодильника Антоныча. – Мы что, должны украсть?

– Антоныч! – позвал Гера. – Это тебе вопрос!

Антоныча это вполне разумный отсыл взбесил.

– Да сколько можно упрекать?! Откуда мне было знать, что все начнется пирсингом на пупке дочери Сказкина, а за-

кончится аппликациями на ягодицах Архипова?

– Нет, я не понял, – начал сначала Гриша, – мы должны украсть картинки из чье-то дома? – Откупорив пиво, он стал жадно пить прямо из горлышка бутылки.

Вопрос уже давно не требовал ответа. Да, картинки мы должны украсть. Вынести разбоем, как угодно. И не из чье-то дома, а из конкретного. Вот он дом, на схеме. А вот схема дома. С указанием рубежей сигнализации.

– А вам не кажется, что старик отправил нас в эту квартиру для того, чтобы нас повязала вневедомственная охрана?

Антонич рассуждал разумно. Но мне показалось, что выбора у нас нет.

– У меня есть карабин, – сказал вдруг Гера.

– Какой карабин? – не понял Гриша.

– Настоящий. С калибром дула семь целых шестьдесят две сотых миллиметра. Со штыком.

По тому, как это было сказано, я догадался, что Гера представления не имеет, с какого конца этот карабин заряжается. Но похолодел я не от этого. Я растерянно посмотрел на Антонича, который едва не подавился чешским светлым.

– Каким... штыком?! Ты что, обалдел?

– Валишь нам отсюда надо, – угрюмо произнес я.

– Валишь? – переспросил Гриша. – У нас здесь работа, квартиры, тачки! А у меня, вообще, жена! Она с нами свалит? Да и не в этом даже дело... – Он успокоился и задумчиво посмотрел в пол. – Если даже Сказкин в кафе спектакль

разыграл... Вы слышали, что сказал Гюнтер. Нас найдут, куда бы мы ни уехали.

К сожалению, он был прав.

– Тогда получается, нужно взять эту хату.

Мы все посмотрели на Геру.

– С каких это пор ты так стал разговаривать? – спросил Антоныч.

– Как только ты налег на дочь Сказкина, во мне что-то перевернулось, – огрызнулся Гера. – Я стал другим!

– Хватит! – Гриша одним движением развернул на кухонном столе Антоныча схему. – Что это за улица?

Я присмотрелся.

– Это не улица, это проспект. Кутузовский.

– Чтоб их всех, – вырвалось у Антоныча. Присмотрелся и он. – Двадцать шестой дом... Это что за дом? – он обернулся, посмотрел на меня, не узнал во мне главного архитектора и посмотрел на Гришу. – Что это за дом?

– «Брежневский».

У меня снова ослабли ноги. Несмотря на то, что я сидел, у меня возникло желание сползти на пол. Двадцать шестой дом, или, как его еще называют, «брежневский», когда-то хранил сон Брежнева, Андропова и других членов ЦК. Сейчас в нем помимо наследников проживают шахи всех мастей. Кутузовский проспект – это парадный правительственный въезд в столицу с запада. И картины находились, конечно, в двадцать шестом.

– Надо прикончить Сказкина, и все! – орет Гриша и бьет кулаком по столу. – И не будет никаких проблем!

– Гриша, ты, главное, не нервничай, – слышу голос Геры.

– Да как же мне не нервничать! – На столе что-то падает. – Это же болит!

– Утром мы посетим хирурга, – пообещал Антоныч.

– Утром!.. – Гриша поднимает указательный палец. – А ночь мне что, на луну выть? А вдруг заражение? Мне откуда знать, что этот проклятый енот жрал?! Может, за пять минут до моего появления он крысу съел!..

Перестук рюмок. Им хорошо. Они на дне рождения Толика не были. Они сейчас и вполонину не чувствуют то, что чувствую я. А я перебрал норму, за которой находится здоровый сон. Когда переливает через края, не до умиротворения.

Гера:

– До чего же все-таки это необъяснимая загадка – жизнь... Вот укусил енот мужика, и что с того? Вроде бы никаких проблем... – тут Гера заторопился. – Нет, нет, в смысле – не насмерть же! Утром придет хирург, помажет, укол вставит – и все. Отдохнет человек пару дней – и обратно, в коллектив, в работу... Но что же получается на самом деле... Ему не дает покоя мысль, что жена увидит его травму. То есть реально он дает себе отчет, что она дура и что осознать невинность ситуации не в состоянии.

О чем они говорят? Пытаются успокоить себя перед де-

лом?

Антоныч:

– Ведь это на самом деле так обыденно. Приезжает жена из трехдневной командировки, а мужа укусили... И этого ей достаточно, чтобы удариться в подозрения и нарядить мужика в одежды дьявола, а себе уделить роль дьявола изгоняющего.

– Вы забываете, куда меня укусили! – вяло возмутился такой философии Гриша.

– А какая разница куда? – удивился Антоныч, который не далее как пять часов назад стал автором идеи о создании Грише прочного алиби ввиду сложной обстановки. – Еноты – создания неразумные. Что ближе оказалось, за то и тяпнул.

– Еноты! – с черным сарказмом вскричал Гриша. – Как это все обыденно и невинно! Где это я в Москве мог намотать енота?! Вы можете себе представить такой сюжет: вас в столице родины кусает за причинное место енот? Кто поверит? Жена?

Пауза. Я открыл глаза.

Антоныч:

– Гриша, а разве тебя не укусил в Москве енот?

Слышу стон.

– Вот об этой странности очевидного и противостоящего ему невероятного я и говорю, – заметил Гера. – Ни с кем не спал, жене, таким образом, не изменил, а первое, что ей придет в голову, – оставь человека на три дня, и он тут же

ударится во все тяжкие. То есть она не оставляет ни шанса. Она все знает наверняка. Вот если бы следы зубов были на пятке... да что на пятке! – даже если бы у Гриши ухо порвано было, она бы обязательно поверила, что укусил... ну, не енот, конечно, но собаку ей предъявить было бы можно.

– То есть пятка и ухо как органы в ее представлении участия в соитии принимать не могут, а посему объяснению факт поддается, – подтвердил Антоныч. – А между тем ухо могло быть порвано Грише в приступе глубочайшего оргазма. И пятку в таком состоянии прокусить тоже можно без труда.

Я вспомнил солистку оперного театра и слова Антоныча за преувеличение не счел.

– Но член – такой же выступающий из тела предмет, как ухо, пятка или палец. И обварить его, и отбить, и поцарапать можно с тем же успехом, что и все перечисленное. Однако член – это... со временем она начинает его считать своим. Вот она, разница в философии полов! Гриша сиськи жены своими почему-то не считает, а она его член узурпировала с такой решимостью, словно это не подлежит обсуждению.

– Да вы мне все нервы уже вымотали! – взмолился Гриша. – Лучше придумайте, что ей сказать.

– Может, лучше придумаете, как нам из «брежневского» дома вынуть картины Уорхола? – я встрял решительно, не сомневаясь, что последним мы сейчас и займемся.

Но вдруг на кухне Антоныча заиграла музыка. Реально:

композиция Рыбникова из кинофильма не то «Большое космическое путешествие», не то – «Через тернии к звездам». Такая мелодия установлена на мобильнике только одного из нас. На Гришином мобильнике.

– Это она! – кричит он и принимает вид затравленного лисой кролика. Словно жена его подходит к квартире Антоныча, а не за тридевять земель. – И что я сейчас должен делать?! Что сказать ей?!

– Что ты орешь? – возмущился Гера. – Скажи, что соскучился. Спроси, когда ждать. И поставь на громкую связь.

– Господи, пронеси... – шепчет Гриша, и я снова убеждаюсь в том, что связывать себя узами брака мне еще рано. Я еще не дошел до того состояния, когда экстрим одиночного плавания перестает фонтанировать и нужна дополнительная встряска. Стокилограммовый Гриша сейчас сидит на стуле и трясется как заяц в норе. Угрозу ему представляет не организованная преступная группа, не войска ООН, не пираты Сомали, а хрупкая, почти невесомая – я удивляюсь, как вообще женщины с таким ростом и весом живут на свете, – жена. Куда бы мы вчетвером ни направлялись, Гриша всегда начеку, как вор на стреме. Он не двойной агент «МОССАДа», не революционер, ему не угрожает ни застенок, ни сама стенка. Но половину выделенного нам на развлечения времени он тратит на создание себе непробиваемого алиби. Я не понимаю, зачем мне постоянно следить, нет ли хвоста, с лупой высматривать на подголовнике сиде-

нья волосы и заглядывать под сиденья в поисках туши для ресниц или помады. И вот эта жизнь – засыпая, вспоминать, предохранялся ли ты позавчера, будучи немножко пьяненьким, и просыпаться дома, размышляя, не вывернуты ли трубы на левую сторону – это как-то не для меня. Точно так же не для меня и осознание собственной вины без достаточных на то оснований. Гришу укусил енот, но Гриша ведет себя так, словно перелюбил всех участниц чемпионата Москвы по фигурному катанию и теперь за это расплачивается. – Да, дорогая?..

– Гриш! – слышу я голос его жены. – Привет, зая!

«Зая», «рыба», «сладкий»... Фашизм не вызывает у меня столько неприязни, как эти животно-гастрономические погонялки. Ну какой Гриша «зая»? Если он зая, то я мыша. Гриша скорее коняшка, это логичнее и наиболее полно раскрывает Гришину суть. Но ни коняшкой, ни бегемотом, ни слоняшей она его почему-то не называет.

– Мое солнышко!.. – хрипит он, водя по стенам безумным взглядом. Я не вижу, но точно знаю – так и есть. – Когда уже ты приедешь?

Я чешу себе пятерней щеку. Если Гришу слушать, не зная самого Гришу, то без труда можно угодить впросак. То есть конкретно представить себе, что Гриша без жены так измался, что первым делом интересуется датой ее приезда.

– Мой мальчик вел себя хорошо? – слышу я.

– Не говори глупостей, малышка, – говорит он, глядя на

ремень своих джинсов. – Ты же знаешь своего заю. Сложности не для меня.

Так и есть. Пытаться слиться с фигуристкой, а вместо этого подвергнуться атаке чокнутого енота – это для Гриши не сложности. Так, проходной матч.

– Я приеду, проверю! – Она хохочет.

«Скажи ей, что ты тоже проверишь», – шипит Гера. Даже он, далекий от семейной жизни человек, понимает, что уже давно пора переходить в контрнаступление.

– Кто это там разговаривает, Гриш?..

– Это телевизор.

– А ну-ка, включи погромче...

Оба. Хороший ход. Если Гриша с бабой в машине, телевизор ему включить громче скоро не получится. Меня начинает все это забавлять. Хочется даже встать и пойти выпить. Слышу, как кто-то с быстротой кошки хватается со столика пульт и нажимает кнопку.

«...На востоке Москвы в воскресенье вечером столкнулись два маршрутных такси, пострадали семь человек... Дэтэпэ случилось на пересечении Алтайской и Хабаровской улиц. Столкнулись микроавтобусы «Газель» и «Мерседес»...»

– Хорошо, – говорит она. – А у меня рейс задерживают.

– Да ты что? – вопит Гриша. – Как это – задерживают?! Это свинство!

Нет, мне это нравится... Столкнулись два маршрутных

такси вечером... В Москве... Хорошо... Вот хорошо так хорошо. В аварии приняли участие по меньшей мере тридцать человек. Это не просто хорошо, это замечательно.

– Да, это свинство, – соглашается она, вздыхая с надрывом. – Гриш, а что ты сейчас делаешь?..

– Ничего. Сажу, телевизор смотрю... А когда, сказали, дадут посадку?

– Пока ничего не говорят. Пепел с вулкана. Ты цветы полил?

– Пепел с вулкана?.. – Я не вижу Гришу, но чувствую, как он пропитывается светом. – Что, и Орли накрыло?..

– Гриш, ты сидишь перед телевизором, вместо того чтобы полить цветы, и задаешь мне такие вопросы!

Вот так и проваливаются самые блестящие алиби.

– Да что я, новости слушаю? – усмехается он. – Я кино смотрю.

Идиот. Кино... «На востоке Москвы столкнулись...»

– Ну, ладно, зая, пойду схожу в бар, закажу вина. Голова раскалывается. Это ужасно. Я, наверное, вообще не долечу до дома. Не балуйся там.

– Да ты что?!

– Ну, чмоки-чмоки!

– Ага, – вторит Гриша, – и тебя чмоки-чмоки.

Когда я слышу облегченный Гришин вздох, Антоныч с неудовольствием ворчит:

– Знаешь, на кого ты сейчас был похож? На педика.

Я начинаю подозревать, что они от страха перед Сказкиным потеряли разум.

– О чем вы сейчас говорите? – я толкаю в плечо Антоныча. – Тебе ли рассуждать о том, кто педик? Это из-за тебя мы сейчас в положении, которое нельзя назвать привычным! Ты умеешь красть? Отключать сигнализации, вскрывать замки с миллионом комбинаций, сейфы откупоривать?

Антоныч разворачивает к себе карту. Можно подумать, он сейчас предложит что-то умное. Как тот герой блокбастера, который до последней минуты говорит глупости, а потом встает и быстро отключает ядерный фугас.

– Нужно позвонить Гюнтеру, – Гриша почесал подбородок. – Он поможет.

– При чем здесь Гюнтер? – Антоныч вяло моргнул. – Ты думаешь, терпение людей можно испытывать бесконечно?

– А у нас есть другой вариант?

– Какой вариант? Гюнтер знает, как обчистить квартиру в доме на Кутузовском?!

– Может, он чему научит.

– Нашел учителя! Ты бы помог?

– Я не буду звонить Гюнтеру, – угрюмо сообщил Гриша и спрятал свою трубку в карман джинсов.

– Звони!.. – Гера протянул ему свою.

Происходящее мало укладывается в моей голове. Что-то происходит, а я никак не могу стать участником этого. Сказкин, менеджер на плите, Гришина жена, которая не может

вернуться домой, какой-то Гюнтер...

Гриша между тем набирает номер. Около минуты мы слушаем музыку. Оркестр под управлением Глена Миллера исполняет главную тему кинофильма «Серенада солнечной долины».

– Так и первый раз было, – шепчет Гриша.

Потом музыка прерывается, и я слышу беспредельно усталый голос:

– Какого черта?

Это знакомый голос.

– Гюнтер Алексеевич, здравствуйте! – говорит Гриша.

– Что? – после небольшой паузы.

– Здравствуй, Гюнтер Алексеевич!

– Это кто?

– А помните, мы несколько часов назад разговаривали с вами в кафе?

– Я не был в кафе уже лет десять.

У меня из зубов вываливается сигарета.

– Как же так, – ошеломленно бормочет Гриша. – Мы с вами разговаривали о Сказкине...

– О сказке?.. Какой сказке? Вы кто?

– Я Гриша.

– Значит, если ты Гриша, тебе можно будить человека в три часа ночи?

– Сейчас два ночи.

– Это у тебя два. А у меня три.

Телевизор давно выключен. Мы молчим. Поэтому разговор, переведенный в режим громкой связи, слышен очень хорошо. Сказать, что мы ничего не понимаем, – это ничего не сказать.

– Мы от Владислава Александровича... – делает Гриша последнюю попытку.

– Я его не знаю.

Существуют две разновидности ступора: пассивный и активный. Пассивный – это когда ты без причин начинаешь смотреть на какой-то предмет и доводишь себя до состояния фига так убежденно, что даже моргать перестаешь. Активный отличается от него тем, что вводят тебя в него и выводят шлепками по лбу. Я сейчас находился в активном ступоре.

– Как же так?.. – шепчет Гриша, наливаясь свекольным соком и глядя на экран телефона. Убеждается, что правильно набрал номер. – Вы – Гюнтер Алексеевич?

Связь прерывается.

– Что происходит? – пробормотал Антоныч. – Короче, зачем нам Гюнтер этот? Мы управимся и без него! Что тут на плане квартиры обозначено?.. – и он деловито склоняется над столом.

– Да нас охранники в дверь даже не запустят! – я встаю и направляюсь к окну. Хмель уходит, его начинает замещать усталость. – У нас всего три дня. Если продать квартиры, машины, перевести бабки за границу... В Новой Зеландии можно организовать серпентарий и торговать ядами. Сейчас

на них большой спрос в США...

Мои планы нарушает телефонный звонок. «Большое космическое путешествие» снова начинается.

— Это она! — Гриша выдернул из штанов трубку, уронил на пол, поднял, снова уронил, снова поднял и включил. — Да, солнышко?

— Сам ты солнышко, дефективный, — слышим мы по громкой связи. Это голос Гюнтера. — Ты с какого телефона мне сейчас звонил?

— Гюнтер Алексеевич?..

— Еще раз назовешь мое имя в эфире, башку оторву. Через час на прежнем месте.

— А я говорил, что звонить ему нужно было с телефона Григория, — упречно произносит Антоныч.

— Ты не говорил!.. — рываем мы хором прапорщиков ансамбля Красной армии.

Эта ночь никогда не закончится.

Через пятьдесят две минуты мы заходим в кафе и видим за столиком Гюнтера. В половине третьего ночи он ест салат из пропущенного через крупную терку огурца и запивает водой из бокала. Перед ним серебряный поднос, на нем — рюмка водки. И крошечное серебряное блюдо с искрящейся росой черной икрой.

Он смотрит на нас взглядом, каким смотрит главврач психиатрической больницы на четверых шизофреников, закинувших удочки в унитаз.

– Садитесь, дебилы.

Второго приглашения мы решили не ждать.

– С чьего телефона ты звонил?

– С Гериного... – признается Гриша.

– Пальцем покажи.

Гриша показывает на Геру.

– Дай трубку, – просит Гюнтер.

Гера без вопросов отдает.

Подозвав официанта, Гюнтер бросает ему «Нокиа». Официант коротко кивает и направляется к аквариуму ведер на сто в углу кафе. Подходит, щиплет корм для рыбок, солит им воду, после чего бросает туда же телефон. Размером с руку, похожие на акул рыбки приходят в восторг. Они мечутся, хватают что-то ртом и поднимают со дна песок. Побледнев, Гера встает и направляется к аквариуму. Чтобы он не упал в него, я встаю и иду следом. Около минуты мы смотрим в аквариум. Вернее, на восемь или десять трубок разных размеров, цветов и производителей, разбросанных по его дну. Две или три из них уже подернулись тонким слоем тины, а один проржавел настолько, что был похож на телефон Флинта. Беспредельно пораженные этой картиной, мы возвратились на свои места.

– Твой номер, недоумок, – говорит Гюнтер Грише, поднимая рюмку, – я изолировал от доступа третьих лиц. Я для того это сделал, наверное, чтобы ты звонил мне с телефона другого недоумка. Какого черта вам опять надо? – он выпи-

вает, цепляет ножом из блюда икорку и отправляет ее в рот.

– Понимаете, в чем дело... – говорю я, соображая, как объяснить, чтобы он действительно понял. – Нам нужно обворовать одну квартиру.

Я ожидал, что Гюнтер встанет и уйдет. Или, по крайней мере, возьмет поднос, уже отыгравший свою роль, и шарахнет меня им по голове. Но ничего похожего не произошло. Гюнтер как рассасывал икринки, так и продолжил рассасывать. Лишь щелчком позвал официанта, чтобы тот принес вторую рюмку.

– Сказкина задумка? – спросил он наконец.

– Ну, не наша же, – буркнул Антоныч.

Осмотрев всех нас по очереди, Гюнтер вытер рот салфеткой и бросил ее на стол.

– Да уж. Сомнительно, чтобы такая светлая креативная идея возникла в головах таких идиотов. У вас на лбу написано, что вам не дано ни украсть, ни покараулить, – он опрокинул вторую и попросил принести третью. – И что Сказкину понадобилось из той квартиры?

– Картины.

– А, его тяга к прекрасному... Тонко чувствующий этот мир человек. Ничего не поделаешь.

– Понимаете, – продолжил я, – если он не получит этих картин, он нас...

– Убьет, – подсказал Гриша.

– Конечно, убьет, – подтвердил Гюнтер. – Он человек сло-

ва. Я вам говорил.

– Так что же делать?

– Это уж вам выбирать.

– Мы уже выбрали, – раздраженно встрял я. – Как украсть картины?

– Я что, похож на Яндекс?

– Мы щедро заплатим, – заискивающим тоном, чувствуя, как и все, что Гюнтер – последний наш шанс, пообещал Гриша.

Но тот только поморщился, мотая головой, как лошадь.

– Что вы мне заплатите и что в вашем понимании – «щедро»? Продадите свои улучшенные планировки и негритянские джипы? А потом свалите выручку на этот стол и попытаетесь убедить меня в том, что это – щедро?

Мы переглянулись. Если все продать, то, как мне показалось, это будет щедро. То же, думается, показалось и моим приятелям. Если посчитать, то выручка будет больше чем рыночная стоимость полотен Уорхола.

– Где эта квартира?

– В двадцать шестом доме на Кутузовском проспекте.

Гюнтер перестал жевать губами, напрягся и послал официанта за третьей. Моему пониманию не поддавалось, как можно в таком возрасте в это время суток столько пить.

– Галина Леонидовна что-то в стену замуровала перед изгнанием?

– Нет, – ответил Гера. – Нам нужно вынести картины Уо-

рхола. Десять штук.

Гюнтер мгновение сидел неподвижно, а потом задумчиво посмотрел в потолок.

– Уорхола?

– Да.

– Десять штук?

– Вообще-то, одиннадцать, – уточнил я.

– Одиннадцать? – Гюнтер остановил на мне взгляд. – Нет, это невозможно. Вот если бы десять – другое дело. А одиннадцать – это слишком.

Я встал и отодвинул ногой стул.

– Посмеемся над его шуткой на улице, – сказал, выходя из-за стола.

– Сядь! – тихо приказал Гюнтер. – Вы теперь вообще не делаете резких движений. Ты с кем шутить надумал, малыш? Хочешь в аквариум?

Да что за напасть! Один обещает в мешки для удобрений, другой в аквариум! А между прочим, к последнему мы за помощью пришли.

– Если хотите остаться в живых, слушайте меня и не трещите крыльями. – Гюнтер прогнал прочь официанта вместе с рюмкой. Голос его зазвенел стальными нотками, он совсем не напоминал мне пожилого дяденьку, выпивающего по ночам. Если бы не красные пятнышки на щеках, можно было подумать, что он все это время пил воду, а не водку. – Вы где живете? В придуманной хиппарями стране Христиании?

Или думаете, что это хобби у меня такое – спасать шкуры дебилов? Номер моего телефона – «ноль-три»? Отвечай.

– Я тебе не звонил, – огрызнулся я.

– Сядь.

Я повиновался.

– На Ленинградском проспекте есть антикварный салон «Елизавета», – Гюнтер расстегнул пиджак и откинулся на стуле. – Сорок четвертый дом. Приятное заведение, там даже охранник украшен вензелями. Хозяин салона – Мирослав Халуев. Завтра... – он посмотрел на часы. – Уже сегодня поедете и примете от него кое-что. Привезете мне. Я вам объясню, как взять Уорхола.

– Просто взять кое-что и привезти вам?

– Совершенно верно.

– А это кое-что большое?

– Даже если Халуев отдаст вам рояль, вы вкатите его в это кафе, потому что деваться вам, мушкетеры, некуда.

– А этот Халуев знает, что он должен отдать нам кое-что? – продолжил допрос Гера.

– Нет.

Я чуть напрягся.

– То есть как?

– А вот так. Мне нужен ковер персидского шаха Исмаила, сотканный в честь его победы над ширванским шахом. А он мне его не отдает. А ковер мне нужен. Я о нем мечтал с детства.

И Гюнтер с видом обиженного мальчика стал клацать ножничками для сигар.

– Еще пара недель, и я смогу сдать экстерном выпускные экзамены в Высшей школе изящных искусств, – вырвалось у Гриши. – А как же он отдаст ковер нам, если он даже вам его отдавать не хочет?

– Не знаю. Вам нужно как следует подумать над этим. И вы уже можете начать ломать голову, потому что сделать это нужно утром. В одиннадцать часов Мирослав улетает в Бразилию до ноября.

– Гюнтер Алексеевич, вы хотите, чтобы мы вошли в антикварный салон и отобрали персидский ковер у хозяина? – решил расставить все точки Антоныч.

– Лучше и сформулировать нельзя. Вы передаете ковер мне, а я рассказываю, как вынести картины из двадцать шестого дома. Какая, кстати, квартира?

– Послушайте, это уже...

– Я даже думать не хочу, – прервал Гюнтер Антоныча, – как рассердится Сказкин, когда узнает, что картины ему нести вы не собираетесь.

– Когда открывается салон? – Я выцарапал из новой пачки сигарету и мутными от беспомощности глазами посмотрел на Антоныча.

– В десять, – ответил Гюнтер. – До четырнадцати я буду вас ждать. Если не позвоните – желаю вам удачи.

Мы поднялись и покинули гостеприимное кафе. Забира-

ясь в машину, я услышал:

– Кража с криком.

Я подумал, что ослышался. Весь день мне что-то слышится. Уже в машине я тряхнул Геру за рукав.

– Что ты сказал?

– Он сказал, – вмешался Антоныч, – что нам нужно силой забрать ковер. Свинчиваем с моей машины номера и отправляемся на Ленинградский.

– Вы с ума сошли?! – взревел я, расставляя руки. – Вы что, пойдете на это?! Я думал, мы просто уйдем и свалим подальше! Еще есть шанс продать все и уехать!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.